

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern. . . 1 mk. (6 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№№ 6-7 (362-363)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

8 Апреля 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: На международном фронте: 1. Мир в лихорадке; 2. Военная опасность и пролетариат.
Ф. Дан. СССР под угрозой войны.
П. Гарви. Реформа советской конституции.
А. Югов. Доходы колхозов и колхозников.
С. Шварц. Под флагом рационализации.
Литература и жизнь: В. Александрова. Поиски нового на старом пути.
Рабочее единство и русская проблема (статья Ф. Дана из «Попюльр»).
В Рабочем Интернационале: Заседание Бюро РСИ. — Об-фельетон: Р. Абрамович.

единенная конференция РСИ и МФПС. — Манифест об-единенной конференции.
Заграничней: Б. Скоморовский. Франция накануне выборов. — Германская социалдемократия о политике Гитлера. — В Норвегии. — Борьба юго-славских рабочих.
По России: Предвоенные настроения. — Военная опасность и конституционные реформы. — Из «объекта» в «субъекта». — Жизнь и настроения рабочих и служащих. — Кулинарные «достижения». — Культ Сталина. — Романтика молодежи.
Из партии: Памяти Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.
Вокруг единого фронта.

НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФРОНТЕ

1. МИР В ЛИХОРАДКЕ.

События на международном фронте накапливаются и сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой. То, что вчера волновало и приковывало всеобщее внимание — собрания в Лондоне «локарнских» держав, «комитета 13-ти», совета Лиги Наций и пр. — является сегодня почти уже забытым прошлым. «Поспевать» за более или менее сенсационными, нагромождающимися и обгоняющими друг друга фактами могут лишь газеты, выходящие несколькими изданиями в день. Такому журналу, как наш, эта задача совершенно недоступна. Да и, по существу, гораздо важнее не дублировать ежедневную прессу, а попытаться вылучить те основные тенденции международного развития, которые уже отчетливо намечаются в хаосе регистрируемых этой прессой событий, дипломатических речей, заявлений, нот, резолюций, свиданий и конференций.

Было бы непростительным и опасным самообманом не видеть, что тенденции эти, как они складываются в ходе острейшей лихорадки, вот уже свыше месяца потрясающей весь международный фронт, представляют пока весьма мало благоприятными как для дела мира, так и для дела свободы и социализма.

Приходится, прежде всего, отметить новый и внушительный успех фашизма — в первую очередь, германского. Новый удар Гитлера кулаком по дипломатическому столу увенчался такой-же победой

его, как и все предыдущие удары. Какими бы миролюбивыми и гладкими фразами ни продемонстрировал теперь германский фюрер (в надежде прочнее вбить клин между Англией и Францией) свою «уступчивость», факты — а они одни только и имеют значение! — говорят о том, что цели своей он достиг: его войска останутся в «демилитаризованной» рейнской зоне, и он получит возможность строить в этой зоне те укрепления, аэродромы и пр., которые признает нужными. Какой бы заведомо гнусной комедией ни был устроенный им 29 марта плебисцит, его престиж, престиж фашистской диктатуры, сумевшей, пусть контр-революционными и военнопасными методами, выполнить ту задачу ликвидации оков Версальского договора, которую не смогли или не захотели выполнить ни германская революция, ни демократия победителей, необычайно окрепнет не только в Германии и не только там, где существует немецкая «ирриденда», но всюду, где, на фоне безысходного кризиса, неудовлетворенные экономические и национальные стремления и без того ослабляют сопротивляемость масс националистической и социальной демагогии фашистских лакеев капитализма.

И это — тем более, что не один германский фашизм выходит из состязания победителем. И итальянский фашизм имеет все причины радостно потирать руки. Гитлеровский «жест» 7 марта снял с порядка дня нефтяные санкции по отношению к его итальянскому собрату, вопрос о которых должен был решаться «комитетом 13-ти» 10 марта, и можно верить разоб-

лечениям «Газеты Польской», утверждающей, что самый срок «жеста» был избран Гитлером не без предварительного закулисного сговора с Муссолини. Но все настойчивее выдвигается вопрос об отмене или смягчении всяких санкций вообще: итальянский дуче, понадобившийся в качестве «локарнского» союзника в борьбе против правонарушителя Гитлера, получил возможность вести неприкрытую политику шантажа: нет уже и речи о приостановке военных действий в Абиссинии в ожидании мирных переговоров; наоборот, теперь-то именно фашистские аэропланы сметают с лица земли целые города, а фашистские газеты восхваляют это варварское истребление мирного населения Эфиопии, как необходимую «пробу» тех методов воздушной войны, какими они могут помочь спасению «цивилизации» в Европе, — если Европа поклонится Муссолини.

Позиции фашизма в Европе, несомненно, окрепли за истекший месяц. Никакие разглагольствования насчет «моральной изоляции» Гитлера не могут умалить опасного значения этого факта. А вместе с тем Лиге Наций и всей связанной с нею системе «коллективной безопасности» нанесен самый сильный удар. Конечно, на исторических в полном смысле этого слова лондонских заседаниях было произнесено и даже фиксировано на бумаге много благородных и душу возвышающих сентенций и фраз. Но все эти сентенции и фразы опять-таки не могут сделать небывшим факт той поистине не блестящей роли, которую сыграли в эти дни и Совет Лиги Наций, и Комитет 13-ти, часами и днями сидевшие в бездействии и ожидавшие, «что скажет Риббентроп», и под конец раз'ехавшиеся, не приняв никаких решений и мер. Если что осталось реального от всех лондонских заседаний и совещаний, то разве лишь обещанные переговоры между генеральными штабами «локарнских» держав. Но, не говоря уже о том, что одна из этих держав — фашистская Италия — недвусмысленно дала понять, что впредь до отмены санкций, если и примет участие в этих переговорах, то только для собственного (а, может быть, и не только собственного!) осведомления; что переговоры эти со дня на день откладываются, что, конечно, лишь содействует закреплению созданного Гитлером и выгодного для него положения; что с английской стороны уже делаются всевозможные попытки создать и для Германии предлог для участия в них, что лишило бы их всякого значения; — не говоря обо всем этом, разве не ясно, что линия «переговоров между штабами» во имя отражения военной опасности есть сама по себе совершенно иная линия, чем линия «коллективной безопасности», имевшая в виду единодушным сплочением всех стран мира против агрессора ликвидировать самую угрозу войны? Разве не ясно, что идея «переговоров между штабами», какими бы оговорками и ограничениями ее ни обставляли, с одной стороны, регистрирует колоссальное возрастание военной опасности, источником которой является германский фашизм, а, с другой, означает начинающееся скольжение по наклонной плоскости от системы Лиги Наций и коллективной безопасности к системе старых военных союзов, которые, как все это признают, никогда еще не могли предотвратить войны, а, наоборот, всегда лишь ускоряли ее наступление?

Система Лиги Наций и коллективной безопасности поколебалась за последний месяц потому, что за этот месяц еще яснее, чем когда-либо раньше проявилось расхождение составных элементов этой системы и их неспособность слить все свои силы в едином коллективном действии. Явно распадается «фронт Стрезвы». Он распадается не только потому, что фашистская Италия соглашается принимать дальнейшее участие в нем лишь на условии такой амнистии ее абиссинскому преступ-

лению, которая означала бы нанесение смертельного удара той-же Лиге Наций, только с другой стороны. распадается и потому, что вскрывается коренное противоречие между политикой Англии и Франции. Если Франция, которую представлял в то время Лаваль, сделала все возможное, чтобы сделать мало действительной систему мероприятий против итальянского агрессора, да и сейчас еще старается по возможности отбодить его от санкций, то Англия принимает теперь же линию поведения по отношению к агрессору манскому. Но если державы-левафаны, фактически мандующие Лигой Наций, обнаруживают свою неспособность столкнуться, лишь только речь заходит о использовании всей полноты средств, находящихся в распоряжении Л. Н., во имя максимальной эффективности системы коллективной безопасности, как метод охраны мира, то что удивительного, если у ряда более мелких держав — в этом отношении наиболее характерны державы скандинавские — является мысль, что вся эта система неспособна обеспечить им не только мир, но и деятельную защиту, если война все-таки вспыхнет; что она способна лишь вовлечь их в военный конфликт ради чуждых им интересов; что поэтому не участие в Лиге Наций и в системе коллективной безопасности, а лишь нейтралитет, лишь уклонение от каких-бы то ни было обязательств взаимопомощи, уклонение в санкциях и т. п. дает им ту максимальную гарантию, которая вообще возможна в нашем, вооруженном до зубов мире? И этот начинающийся идейный отход на позиции нейтралитета есть опять-таки политическая победа Гитлера, «принципиально» отвергающего всякие коллективные обязательства взаимопомощи, «принципиально» отстаивающего «двусторонние» договоры, способные обеспечить ему «локализацию» той войны или тех войн, которые он развяжет, и «невмешательство» других держав в пользу той очередной жертвы, которую он изберет.

Дипломатические победы Гитлера и складывающаяся в результате их международная ситуация означают колоссальное возрастание в военной опасности. Необычайно велика становится эта опасность для всего востока и юго-востока Европы, особенно, для Советского Союза, т. е. для той части мира, куда, надо думать, будет в первую очередь направлена военная агрессия германского фашизма. Трудно допустить, чтобы Гитлер занимал свои войсками рейнскую область затем, чтобы бросить на Францию и Бельгию, т. е. в сторону, где он встретит максимальное противодействие. Ибо, как бы уклонялась Англия от связывания себя твердыми обязательствами, Гитлер, как и всякий другой, хорошо знает, что ее собственные интересы заставят ее, как в 1914 году, бросить все свои силы на защиту этих стран, как заставят они пойти на помощь Франции Чехословакию и Советский Союз (об этом ясно сказал Мотов в своем интервью с редактором «Тан». См. «П» от 24-го марта). Приходится согласиться с генералом Баратье («Тан», 30 марта), убедительно доказывающим, что укрепление рейнской зоны является для Гитлера, в первую очередь, средством помешать Франции двинуть свои войска на помощь тем восточным и юго-восточным странам, которые он собирается атаковать. И надо сказать, что итоги последнего месяца благоприятствуют этим восточным и юго-восточным планам Гитлера.

В самом деле: надо намеренно закрывать глаза на факты, чтобы не видеть, что вся политика Англии в развязанном Гитлером дипломатическом конфликте имеет вполне определенный смысл. Эта политика стремится создать и закрепить безопасность на западном фронте Германии — по возможности с Гитлером, на

без и против Гитлера, если он окажется чересчур «неуступчивым», не согласится сделать даже того «жеста», которого только и требует английская дипломатия, чтобы поверить в «искренность» его миролюбия. Но также английская дипломатия решительно отказывается взять на себя какие-либо дополнительные обязательства, чтобы гарантировать мир на востоке и юго-востоке Европы. Конечно, и в речи Идена, и, особенно, в речи Невилля Чемберлена много говорилось и о «неделимости мира», и о коллективной безопасности для всех. Но, допуская дополнительные, «локарные» гарантии для запада, безопасность восточную английское правительство готово вместить исключительно в рамки пакта Лиги Наций. Кто только что видел, какому применению и перетолкованию подвергались и подвергаются самые ясные статьи этого пакта и в конфликте с Италией, и в конфликте с Германией, тот вряд ли может сомневаться в том, что такая позиция английского правительства по малой мере не исключает для него возможности тратить на всевозможные заседания и полумеры совета Л. Н. и всяческих комитетов при ней те драгоценные недели и месяцы, в течение которых танки и аэропланы Гитлера будут создавать «совершившиеся» и неустрашимые факты куда более грандиозного калибра, чем те, которые удалось таким же манером создать его итальянскому коллеге. Что в конце этой серии «совершившихся фактов» будет все-же неизбежно стоять европейская и мировая война, — это не может, разумеется, служить утешением и менее всего может аннулировать значение того факта, что для всего востока Европы и больше всего для Советского Союза угроза войны становится столь реальной и настоятельной, как никогда до сих пор.

2. ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОЛЕТАРИАТ.

Таково положение, на которое международному пролетариату приходится смотреть открытыми глазами. Оно не означает, конечно, что война непременно вспыхнет не сегодня-завтра. Для паники нет оснований, не говоря уже о том, что Жорес был прав, говоря (как о том кстати напомнил т. Де-Брукэр на заседании Бюро РСИ), что пролетариат должен ненавидеть войну, но не бояться ее, ибо боязнь войны, поощряющая насильников, есть лучший способ ее накликать. Война не должна вспыхнуть ни сегодня, ни завтра. Но все, что произошло за последний месяц, необычайно усилило опасность войны и приблизило час ее возможной вспышки, если не будут устранены причины, порождающие и усиливающие эту опасность и парализующие борьбу против нее.

Каковы-же эти причины? Каковы, прежде всего, причины столь малой дееспособности Лиги Наций и связанной с нею системы коллективной безопасности? Нащупать эти причины нетрудно.

Это, во-первых, отягченность политики держав-победительниц и ряда европейских государств тяжелым наследием насильственных договоров 19-го года. Эти договоры пытались обосновать европейский мир на грубом нарушении территориальных, экономических и национальных интересов и на формальном неравноправии побежденных, прежде всего — такой мощной страны, как Германия. Мысль об утопичности такого способа увековечения мира была, как будто, не чужда самим авторам договоров: недаром они сами предусмотрели возможность пересмотра тех частей их, которые на опыте докажут свою несостоятельность, и приняли на себя обязательство провести разоружение и своих стран в меру ограничений, возложенных на побежденных. Но ни это обязательство не было выполнено, ни эти воз-

можности не были использованы. Наоборот, чем больше общий кризис капитализма вызывал судорожные движения масс в побежденных странах, несших на себе дополнительные оковы навязанных им договоров, тем неуклоннее держались страны-победительницы за установленный ими в Версали «порядок», тем консервативнее становилась их политика — и тем «динамичнее» делалась политика выросшего на почве кризиса германского фашизма, получившего возможность выступать в роли исполнителя велений и сторицеской необходимости, с которой не захотели добровольно считаться победители, но с которой им приходилось в бессилии мириться каждый раз, как она представала перед ними во образе «совершившегося факта», подкрепленного ударом гитлеровского кулака.

Во-вторых: вся история санкций против Италии, как и история ремилитаризации рейнской зоны показывают воочию, как всякая возможность энергичного согласованного действия подрывается антагонизмом империалистических и экономических интересов, неразрывно связанным с капиталистическим характером тех стран и представляющих их правительств, которые в этих действиях участвуют. Этот антагонизм в значительной степени объясняет не только поведение Соединенных Штатов, не только противоречие в позиции Англии и Франции по отношению к Италии и Германии, но и те «прорывы», которые образовались в лиго-национном фронте по отношению к Италии, ту «прохладцу», с которой многие страны выполняют принятые ими на себя санкционные обязательства. Он объясняет и ту причину, по которой подавляющее большинство членов Лиги Наций, согласившихся на санкции по отношению к Италии, не сочло возможным даже поднимать вопроса о санкциях по отношению к такому экономическому гиганту, как Германия.

И, наконец, третье и самое главное: энергия действий капиталистических правительств по отношению к фашистским нарушителям мира неизменно парализуется боязнью тех последствий, которые неизбежно должно будет иметь для судеб всего мирового капитализма, падение фашистских режимов, поставленных на колени и потому утративших свой «престиж» в глазах одурачиваемых их «успехами» народных масс. «Бережение» Муссолини играло огромную роль в политике Лавалы и продолжает играть эту роль в политике всей капиталистической реакции Франции. Но еще несравненно большую роль играет в политике капиталистических правительств «бережение» германского фашизма, крушение которого отозвалось бы во всем мире бесконечно более сильными потрясениями, чем крушение более или менее «провинциального» фашизма итальянского. Сами реакционеры капитализма несколько не заблуждаются насчет этих мотивов своей политики. Пропагандируя сближение и соглашение с Гитлером, французский архи-реакционер Бартелеми («Тан», 17 марта) мотивирует необходимость такого соглашения тем, что «наступают времена, когда войны не будут войнами между государствами, а перенесением внутренних раздоров на международную арену». Яснее сказать нельзя. Но то, что ясно реакционерам капитализма, должно быть ясно и пролетариату: все согласны в том, что фашизм, эта последняя, «взрывчатая» форма самозащиты загнанного в тупик капитализма, является самым непосредственным источником военной опасности; но капиталистические правительства боятся, что крушение фашизма развяжет пролетарскую революцию, и потому оказываются неспособными последовательно и энергично применять те меры, которые, взрывая фауничтожили бы и источник военной опасности.

Все это не значит, конечно, что, вопреки всем отмеченным выше факторам, парализующим энергию капи-

талистических правительств, не наступит момент, когда, преодолевая противодействие этих факторов, они все-же будут втянуты в войну с германским фашизмом. Наоборот, слабость и противоречивость их политики лишь приближает этот момент. Но в войну они именно будут «втянуты», ибо и в этом случае, как и во всех других, пронизанное противоречиями капиталистическое общество не может сознательно управлять своими судьбами, а пассивно подчиняется необходимости...

Основной вывод, следующий отсюда для пролетарской политики мира, ясен, его сделала наша партия в своих тезисах о войне: н и з в е р ж е н и е ф а ш и з м а, открывающее путь пролетарской революции, есть единственное средство обеспечить мир или быстро и основательно закончить войну, если фашизму все-же удастся развязать ее.

Разумеется, было бы чистойшей утопией противопоставлять революцию, сроки которой не от нас зависят, всяческому и, если понадобится, военному отпору фашистской агрессии: такое противопоставление осудило бы пролетарский социализм на пассивное ожидание событий и пассивное подчинение им. Но не меньшей утопией было бы растворять политику пролетариата в той «политике мира», которую ведут известные группы капиталистических держав, — на том основании, что сегодня пролетарская революция еще не назрела и что поэтому сегодня лишь капиталистическая «политика мира» является «реальной». Такое положение обязывает пролетарский социализм поддерживать известную систему «реальных» сегодня мероприятий, способных, если не обеспечить мир, то отсрочить вспышку войны, если не уничтожить фашистский источник военной опасности, то затруднить военную агрессию фашизма и создать для нее максимально неблагоприятные условия. Но оно-же обязывает пролетарский социализм проводить эту политику поддержки мероприятий известной группы капиталистических

держав и использования капиталистических антагонизмов с отчетливым и ясным сознанием всей безнадежности консервативности капиталистической «политики мира», всей фатальной ограниченности возможностей, всей роковой недостаточности ее методов, всей относительности и кратковременности доступных ей достижений. Оно обязывает пролетарский социализм, поддерживая капиталистическую «политику мира», в то же время именно противопоставлять программе, целям и методам этой политики свою собственную революционную программу, свои собственные социалистические цели, свои собственные классовые методы. Оно обязывает его своим самым «поддержку» свою сделать могучим оружием внедрения в сознание широчайших масс той идеи, которая должна быть руководящей идеей пролетарской политики мира: идеи, что только революционное низвержение фашизма, только переход власти в руки рабочего класса, только победа пролетарского социализма способны спасти человечество от той катастрофы, к которой толкает его переживший себя, разлагающийся капитализм.

Эта руководящая идея пролетарской политики мира не нашла себе достаточно ясного, соответствующего отражения в печатаемом нами трагичности момента, отражения в печатаемом нами

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ И УСЛОВИЯМ ДАТЕЛЬСТВ.

ВОКРУГ ЕДИНОГО ФРОНТА

В том движении к пролетарскому единству, которое с таким успехом и подъемом началось за последние два года, наступил кризис.

Начали отцветать, не успев расцвести, те большие надежды, которые были вызваны в известных слоях европейского социализма первыми успехами движения во Франции.

Массовое рабочее движение к единству, захватывающее все больше и больше стран и преодолевающее на своем пути все препятствия, — это оптимистическое представление оказалось лишь благочестивым пожеланием. Географический сектор движения единого фронта оказался довольно узким, и, поскольку речь идет не о нелегальных эмигрантских партиях, дело фактически сводится попрежнему к одной только Франции.

Франция является экспериментальной лабораторией единого фронта. Успех или неуспех движения к единству во Франции должен будет иметь огромное, вернее говоря, решающее значение для судеб всего движения в целом. И тот перелом, который сейчас наблюдается в этом движении, имеет своим источником заминку, произошедшую во Франции в связи с вопросом о так наз. «органическом единстве».

«В единении сила» — это для пролетариата не только прописная истина, имеющая характер трюизма и поэтому бессодержательная. Принцип единства имеет для

рабочего класса в капиталистическом обществе совершенно конкретное политическое содержание. Его реализация является основным условием для выполнения той исторической задачи, которая стоит перед пролетариатом в современном обществе. И тем не менее рабочему классу лишь в исключительных случаях удалось реализовать свое классовое единство в рамках единой организации. В огромном большинстве стран особенности в послевоенную эпоху, рабочий класс оказался политически расколотым. И это состояние постоянного раскола не являлось, конечно, только случайностью или результатом злой воли вождей, отзывавшихся следовать завету Маркса. Пролетариат развитом капиталистическом обществе представляет бою многомиллионную массу, весьма пеструю по своему социальному происхождению, культурному уровню, материальному положению, по своим психологическим, историческим и бытовым навыкам и традициям. Чем сложнее становится современная политическая и социальная структура общества, чем запутаннее делается экономическая и международная ситуация мира, чем труднее и сложнее становятся, поэтому, тактические и политические проблемы, стоящие перед организованным пролетариатом, стремящимся воздействовать всю жизнь современного государства, — тем менее вероятным является, чтобы все эти сложные проблемы одинаково преломлялись в головах пролетариата, принадлежащих к самым различным прослойкам рабочего класса. Но тем неизбежнее становится и возни

манифесте объединенной конференции политического и профессионального Интернационалов. И это — причина, почему делегат нашей партии, наряду с некоторыми другими делегатами, не считал возможным подать свой голос за этот манифест. Но те же интернациональные сессии показали, что старые установки абсолютного пацифизма, консерватизма и мнимо-практичного приспособления к политике Лиги Наций в ее современном

виде и составе начинают терять почву под ногами в рядах международного социализма. Чем скорее восторжествуют и чем последовательнее будут проводиться принципы активной, самостоятельной, классовой политики во всех отрядах международного рабочего движения, тем ближе и тем вернее будет становиться победа дела мира, неразрывно связанного ныне с делом социализма!

СССР под угрозой войны

Как указывается в передовице этого номера, международная ситуация, складывающаяся в Европе в результате разрыва Локарнского договора Гитлером, оказывается весьма неблагоприятной для Советского Союза. Весь ход разговоров и переговоров, вызванных этим разрывом, заставляет опасаться, что, в конце концов, Гитлер, если не формально, то фактически получит свободу рук для проектируемых им военных предприятий на юго-востоке и, особенно, на востоке Европы. Военная угроза нависла над западной границей Советского Союза. Но одновременно та же угроза сгущается и на его восточной границе. Можно, конечно, с полным правом думать, что японское правительство, учитывая тяжелое экономическое положение страны, и острое напряжение социальных антагонизмов в ней, не с легким сердцем решится на войну с советским соседом, успевшим за последние годы и накопить внушительные силы на своей восточной границе, и построить мощные укрепления и пути сообщения, и развить в Сибири промышленность, могущую существенно облегчить снабжение дальне-восточной армии. Но недавние кровавые события в Токио во всяком случае усилили влияние военщины на правительство Японии. непрерывно повторяющиеся «инциденты» на манч-

журско-монгольской границах свидетельствуют о такой «активности» этой военщины, что никто не может поручиться за то, что ей, в конце концов, все же не удастся превратить ту «малую» войну, которая уже кипит на этих границах, в «большую» и истребительную войну между двумя народами.

О значительно усиливающейся военной опасности говорят, конечно, и заявления, сделанные Сталиным и Молотовым в их известных интервью с иностранными журналистами. Когда Сталин определенно связывает себя заявлением, что нападение Японии на Монгольскую Народную Республику побудит советское правительство немедленно придти на помощь этой республике, или когда Молотов подчеркивает готовность того же правительства приступить к немедленному выполнению обязательств, взятых им на себя по франко-советскому договору, в случае нападения Гитлера на Францию, то такого рода заявления окрашены уже вполне определенными «предвоенными» настроениями. И эти настроения не составляют достояния одних только правящих кругов Советского Союза. Как сообщают наши корреспонденты и в широких кругах населения все чаще начинают говорить не о том уже, будет ли война, а лишь о том, когда она будет. Это значит, что создается

новение тактических и политических разногласий в рядах сознательного авангарда рабочего класса. И если, как это имеет место в период после 1919 года, в мире имеется два различных кристаллизационных центра пролетарской мысли и пролетарской психики, то с закономерностью естественного процесса во всех основных странах должно совершаться расслоение социалистического пролетариата по основным линиям раскола. Но отсюда следует, что преодоление этого раскола возможно лишь по мере того, как будут устраняться основные причины, создающие и питающие этот раскол. Организационное единство пролетариата при настоящих условиях является не предпосылкой, а лишь результатом долгого процесса политической эволюции основных крыльев рабочего движения.

Но если возможность восстановления действительно пролетарского единства отодвигается в историческую даль, то отсюда вовсе не следует, что невозможна временная координация действий на определенный период времени и для определенных задач. Такого рода координация сил, которую в отличие от организационного единства принято называть «единым фронтом», уже не раз на протяжении последних 15 лет повелительно диктовалась ходом исторических событий. Но мы все знаем, насколько создавшаяся инерция раскола, не говоря уже о сознательно раскольнической тактике Коминтерна, затрудняла и то скромное приближение к единству, каким является единый фронт. Вот почему подлинным событием явился опыт единого фронта во Франции, когда в июле 1934 года, вопреки всей печальной традиции 15-ти лет раскола и «обходных маневров», во Франции удалось реализовать тесное и эффективное сотрудни-

чество между социалистической и коммунистической партиями. Оказалось, что, при желании, возможно даже на почве, изборожденной траншеями междоусобной войны, и в атмосфере, отравленной миазмами 15-летней фракционной борьбы, не останавливавшейся ни перед какими приемами и методами, создать поистине братское сотрудничество всех слоев пролетариата, отбрасывая в сторону все то, что столько времени разделяло и раздирало французский пролетариат.

Удивительно ли, что поразительный успех французского эксперимента в необычайной степени окрылил надежды всех друзей пролетарского единства, и, в частности, в самой Франции поставил конкретно вопрос уже не только о временном единстве действий, а о переходе к действительному, организационному слиянию обеих рабочих партий (так наз. «органическое единство»). В принципе на эту перспективу ориентировались обе стороны, и для этой цели даже была избрана специальная комиссия, которая в первую очередь должна была выработать проект общей программы. Но с тех пор прошло полтора года, а «воз и ныне там»: вопрос о слиянии обеих партий если сдвинулся с мертвой точки, то скорее в обратную сторону, т. е. перспектива объединения является в настоящий момент гораздо менее вероятной, чем это казалось примерно год тому назад.

**

Причин тому можно наметить несколько и все они сливаются в тактике мирового большевизма. Прежде всего нет никаких оснований предполагать, что Коминтерн когда-либо серьезно помышлял о свертывании коммунистических партий в 3. Европе и растворении их в об-

уже психология фатализма, заранее примиряющегося с неизбежностью войны и тем самым ускоряющего ее наступление. Более того, это значит, что создается уже почва для опасной и соблазнительной мысли: если война неизбежна, то не лучше ли начать ее раньше, пока силы противника еще недостаточно подготовлены, и пока поколебленное уже международное положение Советского Союза еще не окончательно ухудшилось?

Это мысль опасная и соблазнительная потому, что при всей ее мнимой практичности с чисто милитаристской точки зрения, она может оказаться пагубной и роковой с точки зрения тех массовых социально-психологических процессов, которые в ходе всякой современной войны, мобилизующей десятки миллионов, играют колоссальную роль, но роль которых будет, в конце концов, решающей в ходе и исходе той войны, которую грозит развязать фашизм и исторической ставкой которой будет, как говорят тезисы нашей партии, тяжба между капитализмом в его фашистской форме и пролетарским социализмом. Нам представляется в высшей степени тревожным и роковым симптомом тот факт, что именно эти социально-психологические факторы все меньше учитываются внешней политикой советского правительства, начинающего плавать, как рыба в воде, в болоте всевозможных дипломатических заседаний, совещаний, конференций, комитетов и пактов. И мы считаем характерным для этой ориентации советского правительства те — и фальшивые, и неумелые слова, которые сказал о «мировой революции» Сталин в своем интервью.

Хорошо, конечно, что Сталин отказывается от тех методов «внесения революции на штыках» ничего не подозревающим о революции народам, которые были некогда в чести у большевизма. Но, когда он объявляет о полной незаинтересованности Советского Союза в революциях других стран, предоставляя делать революции целиком и единственно на свой собственный

единенных лево-социалистических организациях. Такую возможность теоретически учитывать следовало, и автор этих строк сам прибегал к этой гипотезе в связи с наличными в среде европейских социалистов тенденциями к «разделению сфер влияния»: коммунизм отказывается от особых организаций за пределами СССР, мировой же социализм отказывается от своих секций в СССР и от всякой критики советского социализма вообще.

Но эта возможность никогда не выходила за пределы чисто теоретической конструкции, и нет решительно никаких реальных данных за то, чтобы большевизм пошел на такой шаг.

Некоторые товарищи пытались найти опору для такого допущения в той реализации единства, которая с разрешения центральных инстанций мирового большевизма только что произошла в профессиональном движении Франции. Товарищи эти упускают из виду принципиальное различие, которое коммунисты делают между своей тактикой в профдвижении и тактикой в области политической организации пролетариата. Традиционная тактика Коминтерна, начиная со 2-го конгресса, продолжая 3-им конгрессом, первым расширенным пленумом и т. д., заключается в том, что коммунисты должны входить в общие профорганизации, рассматриваемые как широкие, массовые внепартийные базы для коммунистической пропаганды. Как правило, создание особых или параллельных союзов даже прямо запрещалось европейским коммунистам. Мы все знаем, что эта линия поведения не была выдержана коммунистами на протяжении всего периода. Но тем

риск и страх тем народам, которые того «хотят», то упраздняет или превращает в абстрактную и ни к чему не обязывающую декламацию тот принцип международной пролетарской солидарности и международной связанности судеб рабочего класса, который имело в нашу эпоху и именно в перспективе возможности этой эпохи имеет самое реальное и самое практическое значение.

Принцип «невмешательства во внутренние дела» этих стран, возникший, если не ошибаюсь, в начале века, как догмат либерализма в противовес практике Священного Союза монархий того времени, на деле когда не соблюдался и либеральными правительствами в качестве примеров последнего времени можно привести отказ держав-победительниц договариваться о мире с Вильгельмом германским или противодействие восстановлению монархии в Австрии, не говоря уже о их военной интервенции в Советской России. Но сейчас, когда именно «внутренние дела» — осуществляющаяся победа фашизма в одних странах и грозящая беда его в других — и являются самым непосредственным источником военной опасности, этот принцип становится явно реакционным прикрытием фашистских жимов: недаром же так настаивает на нем Гитлер в своих последних «мирных» предложениях!

Но принцип «невмешательства» не только реактивен в нашу эпоху, но и в высшей степени опасен, ориентирует в ложную и иллюзорную сторону всю политику борьбы за мир и самозащиты в войне, если все же вспыхнет. И тому дает наглядный пример то интервью Сталина, говорившего о миротворческой роли капиталистических «друзей мира», Лиги Наций, пактов и методов «коллективной безопасности» в термины сделавших бы честь любому министру любого буржуазного правительства. А между тем, если бы большевистская диктатура могла и смела с открытыми глазами смотреть на положение вещей, если бы она могла и смела

не менее их принципиальный подход к профсоюзам совершенно иной, чем в области партийно-политической тут раскол вменялся европейским коммунистам в обязанность. Создание особых коммунистических партий ведущих самую резкую борьбу против с.д. партий всюду и на всем протяжении истории современного коммунизма являлась альфой и омегой коммунистической тактики. Немыслимо, чтобы коммунисты в какой-либо стране не пытались организационно оформить свое боевое политическое существование. Но совершенно в духе коммунистической тактики, чтобы коммунисты дили в общую профессиональную организацию, не создавая параллельных органов, конкурирующих с профсоюзами (я не говорю, конечно, о комчайках внутри общих профсоюзов). Таким образом, воссоединение отдельных коммунистических профсоюзов с общими синдикатами в одну объединенную организацию не является с принципиальной точки зрения изменой коммунистической идеологии, а представляет собою чисто стратегическое отступление. Делать отсюда умозаключения о готовности французских коммунистов пойти на отступление от самостоятельного политического существования является по меньшей мере необоснованным. Этого нужны были бы какие-нибудь другие доказательства и симптомы. Но их нет. Вернее наоборот: за последнее время все множатся признаки, указывающие на новый поворот в тактике Коминтерна, поворот, направленный не к ослаблению, а к новому усилению борьбы против социалдемократии. Об этом свидетельствует как выступление чешского коммуниста Готвальда в «Руде Право» (а Готвальд — член секретариата Коминтерна!), так и тактика французских коммунистов

осмыслить ту позицию, которую заняли, напр., решающие круги французского капитализма при обсуждении франко-русского пакта, или те сдвиги в международных отношениях, которые связаны с итало-абиссинской войной или с последним насильственным актом Гитлера, то она, конечно, не отказалась бы от использования Лиги Наций, и всяческих пактов, но в то же время не обманывала бы ни себя самое, ни советские трудящиеся массы насчет того весьма относительного значения, которое может иметь и в борьбе за мир, и в ходе возможной войны такое использование, и, наоборот, насчет того основного и решающего значения, которое приобретают в наличной обстановке «внутренние дела» и возможных врагов, и возможных союзников Советского Союза, т. е., в конечном счете, социально-психологические процессы и судьбы рабочего класса и трудящихся масс во всех без исключения странах земного шара.

Действительно - реалистическое, а не иллюзорное понимание складывающейся международной ситуации, в которой удельный вес Советского Союза в сонме его возможных капиталистических союзников идет на понижение, должно было бы подсказать мысль, что подлинную и надежную опору в своей борьбе за мир как и в ходе возможной войны Советский Союз все больше должен будет искать не столько в этих союзниках, сколько в организованном международном пролетариате; что поэтому и внешне-политические задачи Советского Союза требуют, прежде всего отказа от того нового поворота в отношении к восстановлению пролетарского единства, смысл которого сводится к попытке «использовать» международный социализм в рамках буржуазного общества и для мизерных очередных целей советской дипломатии; что они требуют, наоборот, честной работы над восстановлением возможного лишь на основе рабочей демократии единства, как необходимой предпосылки успешной борь-

бы международного пролетариата за власть рабочего класса и тем самым за низвержение фашизма везде, где он победил или еще только поднимает голову, за социализм, за мир и за спасение революционной советской страны от военного разгрома.

Но то-же действительно - реалистическое понимание обстановки должно было бы продиктовать мысль, что и внутри Советского Союза только революционная энергия и свободная самостоятельность масс могут послужить надежным орудием самозащиты революционной страны — орудием, без наличности которого и вся военная мощь Союза может очень скоро превратиться в колосса на глиняных ногах. Поэтому не «плебисцитарная», а подлинная, на свободной и организованной самостоятельности трудящихся основанная демократизация советского режима становится вопросом жизни или смерти для Советского Союза, поставленного под угрозу войны. Поэтому и то «освобождение социалистической идеи», о котором недавно говорил наш журнал, приобретает громадное политическое значение, как необходимейшая предпосылка «раскрепощения рабочих организаций», без которого немыслимо ни пробуждение революционной энергии рабочих масс, ни сплочение всех элементов революционной страны, готовых не за страх, а за совесть защищать эту страну и вместе с нею будущее социализма*).

*) В этой связи я не могу умолчать, что считаю большой тактической ошибкой ту форму, в которой мой друг Отто Бауэр выдвигает в мартовской книжке «Кампф» вполне своевременную идею амнистии социалистам в России и, в частности, амнистии нашему славному товарищу Еве Бройдо. Ставить вопрос об амнистии российским социалдемократам, как гуманитарный вопрос «помилования» безнадежно «побежденных» противников сталинской диктатуры, значит искажать всю политическую перспективу, затуманивать то огромное политическое значение, которое должен иметь акт амнистии. Не говорю уже о том, что наша партия, сумевшая сохранить свою идейно-политическую и организационную сплочен-

Как мы уже указали, во Франции был предпринят целый ряд шагов для превращения единого фронта в органическое единство. Координационная комиссия, созданная специально для устранения трений при проведении единого фронта, была уполномочена также выработать проект общей программы, которая могла бы лечь в основу объединенной партии рабочего класса Франции. На эту работу было затрачено много усилий, в особенности со стороны социалистов. Однако, чем дальше шла эта теоретическая работа, тем яснее становилось, что коммунисты к вопросу об органическом слиянии относятся без всякого воодушевления и фактически этот процесс, по возможности, тормозят. Несмотря на в общем удачный опыт единого фронта, доказавший, что в практической деятельности вполне возможно тесное и гармоническое сотрудничество обеих партий, французские коммунисты сочли нужным в самое последнее время в качестве проекта общей программы снова выдвинуть составленный ими почти два года тому назад, документ, отличающийся ярко выраженным односторонним коммунистическим характером. Другими словами, коммунисты представляют себе органическое единство лишь в форме поглощения социалистической партии коммунистической, лишь путем идейной капитуляции социализма перед коммунизмом. Но такого рода «объединение» возможно было ведь еще в 1920 году...

Напрасны были протесты социалистов, напрасно Леон Блюм заявлял, что социалисты мыслят себе единство лишь в форме «металлического сплава», в котором растворяются и безследно исчезают отличительные при-

знаки обеих составляющих частей. Коммунисты до сих пор никак не реагировали на эти аргументы. Мне кажется, в этом есть логика: когда говорят о «сплаве», то этим подразумевается готовность обоих (или нескольких) контрагентов заранее отказаться от тех особенностей, которые являются характерными для каждой стороны. Другими словами — каждая сторона признает свое бывшее мировоззрение несовершенным, нуждающимся в поправках и изменениях. Искание «сплава» необходимо должно сопровождаться критикой и самокритикой, готовностью отказаться от былых заблуждений и признать ошибочными целый ряд своих прежних утверждений и положений. Я не знаю, что именно французские социалисты готовы признать ошибкой и заблуждением в своих прежних воззрениях. Но всем точно известно, что ни французские коммунисты, ни Коминтерн в целом до сих пор ни разу не становились на точку зрения действительной самокритики, ни разу не признавали каких-либо своих теорий или действий ошибочными. Ведь даже самый крайний реформатор и новатор Коминтерна, Димитров, ухитрился на 7-ом конгрессе все трагические ошибки и преступления коммунизма в Германии свалить на второстепенных «стрелочников», которые-де плохо поняли или плохо выполнили какие-то директивы какого-то пленума.

Какой же при таких условиях может выйти «сплав»? И в таком-ли внутреннем состоянии сейчас руководящая головка мирового коммунизма, чтобы серьезно стать на путь самокритики, признания совершенных ошибок, а следовательно и готовности тем самым частично признать правоту социалдемократии? Не является-ли, наоборот, в данный момент характерной чертой

Конечно, трудно быть столь бесшабашным оптимистом, чтобы ожидать этого необходимого и спасительного поворота внешней, международно-пролетарской и внутренней политики большевистской диктатуры от самопроизвольного просияния ума Сталина и Молотова. Но факты, выступающие к тому же в грозной оболочке военной катастрофы, все больше надвигающейся на Советский Союз, имеют свою убедительную си-

ченность в течение свыше полутора десятка лет подполья и эмиграции в труднейших и сложнейших условиях террористической диктатуры, вышедшей из революции, более того, сумевшая в этих условиях — как то указал в свое время сам Бауэр в приветственной статье по случаю выхода 100-го номера «С. В.» — наметить для всего международного социализма линию революционно-пролетарского отношения к этой диктатуре, — наша партия имеет некоторые основания считать себя во всяком случае идейно-политически не более «побежденной», чем те массовые братские партии, которые, после полутора десятилетия работы в условиях демократии, пали под ударами контр-революционных фашистских диктатур. И сами наши товарищи в советских тюрьмах и ссылке до такой степени чувствуют себя не «побежденными», а

ду. И мы не теряем надежды, мы будем во всяком случае со своей стороны работать над тем, чтобы — пока это еще не поздно! — логика этих фактов разбудила активность и энергию тех элементов рабочего класса и трудящихся масс советской страны, для которых самосохранение революции и социализма выше и дороже самосохранения вырождающейся в единовластную диктатуры!

Ф. Дан.

носителями будущности рабочего класса, что первые ответили бы всякую мысль об амнистии, как «милости»: в их представлении борьба за амнистию — не социалистов, а «социалистической идеи» является лишь необходимой составной частью их служения русской революции, интересам русского и международного пролетариата, русского и международного социализма.

Впрочем, другая заметка того-же Бауэра в декабрьской книжке «Кампф», ставящая вопрос об амнистии социалистам в правильную политическую перспективу, как часть вопроса о необходимой общей демократизации советского режима, позволяет мне думать, что форма его заметки об Еве Броудо является лишь случайным «промахом пера».

Реформа советской конституции

Отыскался след Тарасов! Еще в январском номере «Соц. Вестника» пришлось напечатать статью «Пропащая демократизация», чтобы напомнить о единогласно принятой 6 февраля прошлого года резолюции Съезда Советов о демократизации советской конституции. Возвещенная Молотовым, в порядке сюрприза съезду конституционная реформа казалась прочно похороненной в тайниках комиссии, возглавленной «самим» Сталиным. На недавней январской сессии ЦИК СССР о реформе конституции обмолвился одной фразой Меж-

лаук. В советской печати за целый год появилась единственная статья Радека на эту тему. И только спустя после торжественного возвещения реформы о ней опять заговорили Сталин и Молотов.

Заговорили не по собственной инициативе, не в целях ознакомления народных масс Союза с ходом работы по подготовке реформы, их кровно касающейся, а ответ на настойчивые и дотошные вопросы, можно сказать, допытывания представителей иностранной печати. Эта подробность ярко подчеркивает перевес в ней

господствующего в Коминтерне русского коммунизма необычайно повышенное самосознание, «головокружение от успехов»?

Однако, положение может быть не было бы столь безнадежным, если бы все противоречие между коммунизмом и социализмом сводилось к разногласиям программному и тактического характера и, следовательно, проблема объединения заключалась бы в искусном нахождении некоей примирительной формулы. На самом деле, как правильно указал (ссылаясь на знаменитый анализ П. Б. Аксельрода в «Искре» и на писания Розы Люксембург) Фридрих Адлер в своем докладе Интернационалу, действительное и самое важное расхождение между коммунизмом (большевизмом) и социалдемократией (меншевиизмом) заключается в различном подходе к пролетариату, к методу его организации, к проблеме взаимоотношений между рабочим классом и его партией. Выросший под влиянием русского большевизма европейский коммунизм воспринял идею «командования», диктатуры партии над рабочим классом, а в самой партии, как принцип ее организации, выдвинул метод, обычно называемый ленинцами «демократическим централизмом», а на самом деле являющийся ничем не прикрытой диктатурой центра над фактически безмолвной и бесправной массой членов. Между тем европейская социалдемократия, в особенности французский социализм воспиталась и вырос на теории и практике самой широкой внутривнутрипартийной демократии, самостоятельности и автономии как местных организаций, так и всех членов партии. Какой же тут может быть «сплав»?

Воспитавший свою партийную массу на принципе авторитарной власти вождей, на слепом повиновении центру, в особенности богоравной «Москве», как воплощению высшего идеала революции и социализма, коммунизм может почти беспрепятственно маневрировать и с необычайной легкостью менять свою тактику и стратегию, не встречая почти никакого сопротивления со стороны своих масс, отвыкших противоречить. Они со слепой верой воспринимают сегодня диаметрально противоположное тому, что им говорилось вчера. Иное дело социалистический рабочий класс Европы. Над ним нельзя командовать, его нельзя безнаказанно перебрасывать с одной позиции на другую, его нельзя без глубокого и болезненного процесса внутренней переориентации и ломки переводить на другие рельсы.

Но разве — скажут нам — в теперешней политической действительности Европы нет факторов, которые могущественно толкали бы и коммунистическую массу к единству? Разве не существует теперь, по крайней мере в ряде стран, массовой тяги к единству, массового давления рабочего класса в сторону объединения всех революционных и пролетарских сил? Да, эти тенденции несомненно существуют и оказывают свое действие. Но вся огромная, с необычайной энергией и затратой сил вот уже 17 лет ведущаяся работа Коминтерна в Европе именно на то и направлена, чтобы сделать аппарат коммунистических партий фактически независимым от стихийных настроений масс, чтобы дать возможность коммунистическим вождям по своему выбору либо идти с массами, либо идти против них. Ве-

политических моментов в ряду мотивов, побудивших диктатуру поставить в порядок дня демократизацию советской конституции.

Зажатая в тиски двойной военной опасности — со стороны милитаризованного фашизма Германии и со стороны фашизированного милитаризма Японии — советская власть вынуждена искать опоры в демократических странах Европы и Америки и соответственно перекрашивать фасад своего государственного здания с целью рассеять предубеждение против существующих форм советского режима и недоверие к его прочности. Тесно связанная с этой ориентацией внешней политики новая тактика «народного фронта» и антифашистской мобилизации на Западе под знаменем защиты свободы и демократии также побуждает советскую власть устранить, хотя бы формально, кричащее противоречие между демократическими лозунгами антифашистской мобилизации масс на Западе и диктаторскими формами режима в стране, где коммунисты находятся у власти. Мостом от внешнеполитических мотивов конституционной реформы к внутривнутриполитическим является, бесспорно, острая военно-политическая потребность, если не в преодолении, то в максимальном ослаблении розни между населением, особенно крестьянством, и властью, чтобы тем самым поднять моральный потенциал оборонноспособности страны. Уравнение крестьян в избирательных правах с рабочими является военной необходимостью.

Но нет сомнения в том, что на путь конституционной реформы толкают диктатуру и соображения внутривнутриполитического характера. Официальная версия, данная Молотовым при возведении реформы на с'езде советов и повторенная теперь им же и Сталиным в беседах с иностранными журналистами, подкупает своей логической стройностью. В пору гражданской войны, выкорчевывания эксплуататорских классов и закладки основ социалистической экономики политиче-

ское неравноправие было-де исторической необходимостью. В настоящее же время эксплуататорские классы уничтожены, здание социализма вчерне построено, социальные различия почти исчезли; посему и введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и последовательного парламентаризма становится возможным. Свобода в социализме, социализм в свободе — таков, по Сталину, смысл увенчания построенного большевистской диктатурой здания куполом всенародной демократии.

Будь это так, нам осталось бы только, подобно Герцену, воскликнуть: «Ты победил, Галилеянин!» Но, увы, это не так. Нет сомнения, реформа конституции в духе формальной демократии каким-то концом связана с огромной эволюцией, проделанной Советским Союзом на основе генеральной линии, в частности, под влиянием форсированной индустриализации и сплошной принудительной коллективизации. Эволюция эта еще далеко не закончена. Она носит противоречивый характер. Ликвидация старых классов до-революционного общества сопровождается рождением и формированием новых социальных групп, новой социальной иерархии, ищущей и только нащупывающей политические формы для своего воплощения. Стимулированный военной опасностью поворот к родине, к нации, к народу естественно сопровождается отталкиванием от идеологии, практики и политических форм классовой исключительности и классового господства. Советские формы этой откровенной классовой исключительности и классового господства, построенные по куриальному принципу и на неравноправии основной массы населения, крестьянства, начинают ощущаться, как стеснительные и несозвучные эпохе внешнеполитической народности, вернее, всенародности.

С какой нерассуждающей готовностью с'езд советов, по манию Сталина, стал на путь самоупражнения советской системы! С какой безропотной послушностью при-

стремление к единству живо в рабочих массах не только со вчерашнего дня. За последние 15 лет можно насчитать немало моментов, когда в разных странах воля к пролетарскому единству проявлялась с огромной силой. Но это не помешало коммунистическим партиям, руководимым Москвой, отделаться от этого движения словесными уступками, на самом деле эт единство взрывая и срывая. И если в 1934 году московские руководители Коминтерна произвели действительный поворот в сторону единого фронта, то это произошло потому и только потому, что в данный исторический период усилившееся под влиянием победы германского фашизма стремление европейских пролетариев к единству совпало с внешне-политическими интересами советского правительства. Можно с полной решительностью утверждать, что не будь этого последнего момента, не бывать бы и единому фронту во Франции.

**

Внешние политические интересы советской диктатуры, счастливо совпавшие на этот раз с интересами пролетарского единства в Европе, не требовали, однако, органического единства в том смысле, как это понимается французскими социалистами. Для согласованной политической борьбы против фашистской опасности во Франции или Чехословакии, для создания во всей Европе атмосферы, благоприятной для защиты Советского Союза против захватнических покушений гитлеровского империализма достаточно и того единого фронта, который был осуществлен во Франции под эгидой комитета координации. А сверх этого московской дикта-

туре ничего больше не нужно пока. И это решает вопрос.

Правда, осуществление пролетарского единства является одной из основных исторических задач рабочего движения в предстоящую эпоху. Однако, осуществление этой задачи встречает непреодолимые препятствия. Недостаточно установить объективную наличность какой-либо исторической задачи, недостаточно констатировать какую-либо назревшую общественную потребность для того, чтобы быть уже уверенным в действительном осуществлении этой потребности или тенденции. Ибо не существует, к сожалению, того железного, или вернее — золотого закона, который гарантировал бы осуществление всех назревших исторических задач или потребностей.

Мне уже неоднократно приходилось указывать, что к вопросу о едином фронте можно подходить с двух сторон. Можно рассматривать его как практический вспомогательный прием для достижения преходящих, хотя и важных, политических задач (отражение непосредственной угрозы реакции или фашизма и т. п.). В таком чисто-практическом применении тактика единого фронта может быть проведена относительно очень легко и просто. Она не требует никаких идеологических или моральных предпосылок, не предполагает никакой внутренней эволюции обеих партий и является простым вопросом политической целесообразности. Конечно, единый фронт и в этом узко-практическом виде является, напр., в данной политической ситуации во Франции, большим достижением и благом. Но, во-первых, применение тактики единого фронта в таком виде очень ограничено во времени и пространстве и не мо-

няла коммунистическая партия сдачу в архив мироошибительной советской идеи! Конечно, марксисты не фетишисты политических форм. Но как забыть ленинское «учение о государстве»? Как забыть, что вчера еще советский строй принципиально противопоставлялся формальной демократии, как «открытая» Лениным специфическая форма пролетарского государства и как высшая форма демократии!

Мы, меньшевики, инициаторы и создатели советов и в 1905 году, и в 1917 году, видели в них превосходное орудие революционной организации и мобилизации масс, но не постоянную, «нормальную» форму демократической государственности. Но все же, при виде этого внезапного упразднения одним росчерком пера основ советского строя, мы не можем не отметить, что, в сущности, настоящего «соревнования» двух политических систем и не было, ибо советская конституция никогда большевиками на деле не была осуществлена, а лишь служила им ширмой для партийной диктатуры. Ведь это именно обстоятельство и объясняет ту потрясающую легкость, с которой Сталину удалось «обрадовать» съезд советов призывом к харакири, чтобы очистить место вчера столь поносимой формальной демократии и презренному парламентаризму.

В политической идеологии большевизма пробита широкая брешь, и этой, пусть неискренней, пусть фиктивной капитуляции большевизма перед демократической концепцией социалдемократии сикофантам «Правды» (№ 69) не замазать нападками на «меньшевицких соловьев», якобы замызывающих в угоду буржуазии классовый характер демократии в капиталистическом обществе и будто-бы проповедующих «классовый мир» во имя «чистой демократии».

Нет, возврат к формальной демократии на 19-ом году пролетарской революции вызван не «победой социализма» и не переходом к «бесклассовому обществу», а в большой мере потребностями самой переродившейся

диктатуры в подведении под себя какой то новой, более широкой социальной базы в виду и в связи с социальным перепластованием населения на излете генеральной линии. Возможно, что в этих поднятых и перевернутых революцией социальных слоях неслышно, как вода под ледяным покровом, накапливается смутная потребность в свободе, неясный позыв к утверждению «прав человека и гражданина», неосознанный запрос на какую-то автономную от государства сферу личной и коллективной самостоятельности. Выражения во вне эти настроения в условиях тоталитарной диктатуры не имеют, несмотря на обилие форм и на многомиллионный охват различных проявлений казенной советской общественной жизни. Кривое отражение эти настроения находят в разном видной оппозиции, подспудно возникающей то и дело в недрах самой правящей партии. Стремление эти оппозиционных группировок найти некую массовую опору толкает их на путь выставления лозунгов «рабочей демократии» в партии, в советах, в профсоюзных органах, чтобы таким образом использовать назревающую в массах потребность в подлинной самостоятельности и в подлинной свободе.

Сокрушив после убийства Кирова «последние остатки зиновьевско-троцкистской оппозиции», Сталин, следуя завету Ленина, попытался перехватить и «перекрыть» политические лозунги оппозиции, от «рабочей демократии» апеллируя к демократии всенародной. Разумеется, при условии сохранения своего личного единовластия. Вырождение большевистской диктатуры в партийной в личную приводит на известном этапе потребности в замене громоздкой и исторически связанной с «партийным костяком» курьезной советской системы плебисцитарной «демократией», являющейся чистой формой взаимоотношений единодержавного вождя с распыленным народом. Эта форма плебисцитарной диктатуры на настоящем этапе может опираться формирующийся из выдвинутых разного социального

жет принять всеобъемлющего, универсального характера. (Оно практически важно и целесообразно лишь в тех странах Европы, где опасность справа очень остра и где, сверх того, коммунистическое движение представляет собою значительную силу). Во-вторых, при такой постановке вопроса исчезает всякое принципиальное различие между единым фронтом пролетариата и той широкой коалицией всех анти-фашистских сил, которое теперь приобрело популярность под названием «Народного Фронта». Раз единый фронт имеет основной или даже единственной целью отражение фашистской опасности (или достижение известных внешне-политических целей), то не выгоднее ли его расширить еще дальше, включив в него все анти-фашистские силы страны: мелкую буржуазию, крестьянство, либерально-демократические слои буржуазии? И не являются ли, напр., с этой точки зрения радикалы и радикал-социалисты гораздо более ценным союзником для французских коммунистов, чем социалистическая партия? Конечно, для избирательного соглашения или правительственной комбинации с радикалами (которая когда-то, под названием «коалиции» или «толерирования» подлежала анафеме, теперь же, под именем «Народного Фронта», объявляется высшей революционной добродетелью!) необходимы во Франции и социалисты, но их привлечение к блоку путем «единого фронта» носит при этих условиях до известной степени лишь подсобный, чисто-утилитарный характер, и имеет мало общего с тем, более широким представлением о едином фронте, о котором мы упоминали выше.

Эта вторая более глубокая и принципиальная постановка единого фронта неосуществима без внутренней

эволюции всех пролетарских сил и течений, без подлинного и глубокого процесса идейного и морального сближения между мировым коммунизмом и мировым социализмом. И следовательно, она не может быть реализована без разрешения так наз. русской проблемы т. е. без того, чтобы не произошло коренного поворота (в сторону рабочей демократии) во внутренней политике советской власти.

**

Мы отдаем себе полный отчет в тех психологических сдвигах, которые за последние годы произошли в известных кругах европейских социалистов, приведя их фактически к полному отказу от всякой оппозиции против советского «социализма». Тут действует и главный боковой разочарование вследствие поражения демократии в Центральн. Европе, и сознание своего собственного бессилия перед лицом усиливающегося фашизма и империализма, и преклонение перед успехами, достигнутыми в России методами диктатуры и насилия. К факторам психологического порядка присоединяются — в странах единого фронта — и «дипломатические» соображения, заставляющие, напр., многих французских товарищей, в том числе, к сожалению, и Леона Блюма и редактируемый последним официальный орган французской Партии «Попюлэр», в интересах внутрипролетарского «бургфридена» замалчивать все отрицательные явления советской действительности, в том числе самые гнусные проявления террора против социалистов («Попюлэр» был, насколько можно установить, единственным соц. органом в Европе, не поместившим ни

го происхождения новый правящий слой «знатных людей» города и деревни, на государственную и хозяйственную бюрократию, на новую иерархию, основанием своим уходящую в плебейскую толщу «бесклассового общества», а в вершине возглавляемую монументальной фигурой «вождя народов». Пример фашистских государств доказал полную безопасность для тоталитарной диктатуры всех внешних реквизитов последовательной демократии. Мартовский плебисцит Гитлера—новое тому доказательство и новый соблазн...

**

Как ни сложна «мотивация» предстоящей реформы советской конституции, смысл ее однозначно-прост. Судя по авторитетным разъяснениям авторов реформы, дело идет об октроировании форм последовательно народовластия без его сущности, т. е. без политической свободы. Это сразу-же заметили собеседники Сталина и Молотова, и в эту именно сторону была главным образом направлена их «любопытность». Разъяснения советских вождей по этому колючему вопросу воистину напоминают скольжение угрей в ведре мыльной воды...

На вопрос американского журналиста Роя Говарда, «не является ли общей чертой для всех названных государств (т. е. фашистских и советского. П. Г.) нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?», Сталин ответил целой лекцией о различии между обществом капиталистическим и социалистическим, о необходимости жертв для построения нового общества, о невозможности подлинной свободы в обществе, построенном на эксплуатации и т. п. Выдержанный в пропагандистских тонах, ответ Сталина был бы безупречен и вразумителен, если-бы...если-бы он совпадал с социально-экономической и политической

действительностью Советской России. Но эта действительность бьет в лицо нестерпимо-лицемерному утверждению Сталина: «Это (новое) общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной, ...построили ради действительной личной свободы, свободы без кавычек». Эта социалистическая формула «свободы без кавычек» плохо вяжется однако с «формулой железной решетки», определяющей в Советском Союзе судьбу человеческих личностей, вздумавших претендовать даже не на свободу действий, а только на свободу мысли. Роза Люксембург, не в пример Сталину, вернее ухватила сущность режима свободы: свобода это всегда свобода для меньшинства, свобода для инакомыслящих. Этой свободы нет и следа в сталинском «новом обществе». Больше того — чем дальше, чем больше казенное единомыслие становится законом режима личной диктатуры...

Когда французский журналист Шастенэ поставил Молотову в упор вопрос: «не имеет-ли совправительство в виду и известного ослабления административных мер, известного о с л а б л е н и я д и к т а т у р ы», он получил двусмысленно - уклончивый, а по существу отрицательный ответ. Прижатый к стене, Молотов вынужден был, правда, признаться, что «вся наша внутренняя обстановка говорит за то, что теперь уже нередко нет необходимости в тех административных мерах, которые проводились прежде». Это вырванное у главы советского правительства признание является решительным осуждением политики перманентного террора, усиливающегося на практике по мере успехов генеральной линии. Но Молотов тут же поспешил оговориться, что «советская власть должна быть сильной и последовательной в борьбе против террористов и разрушителей общественной собственности и их сообщников». Как если бы ограничения личной свободы, как если бы меры террора направлялись единственно

только протеста, но даже простой информации о Е. Л. Бройдо).

Тем не менее совершенно ясно, что простым «замалчиванием» русская проблема не может быть ни разрешена, ни устранена из политической действительности. В огромном государстве, обнимающем шестую часть земного шара, революционной диктатурой установлен небывалый в истории человечества социальный и политический режим, претендующий на название социалистического. Приемлет-ли, и в какой степени мировой социализма, в лице существующих рабочих партий, этот советский строй? Согласен-ли он, и в какой мере, считать этот строй своим, социалистическим, и рекомендовать его своим собственным пролетариям для подражания? Полагает-ли он, в частности, что, идя по старому пути террористического насилия над лишенными элементарных политических прав массами, сталинская диктатура в силах будет построить царство подлинного социализма, или же она придет к некоей разновидности бюрократического, государственного капитализма, к своего рода «некапиталистическому» бонапартизму? И не лежит-ли, в обоих случаях, на европейском социализме обязанность сделать из этого какие-то политические выводы: безоговорочное одобрение и присоединение в первом случае, отмежевание и социалистическая критика, направленная на изменение губительной для революции политики во втором случае?!

Отмолчаться от этих вопросов, спрятаться от них не может ни одна уважающая себя социалистическая партия, ни один социалистический деятель, претендующий на руководящую роль в своем собственном движении.

Но невозможна на длительный срок и попытка механического сочетания двух противоположных и друг друга исключаящих концепций, нельзя остаться слепым для своей страны, для всей Европы, и быть в то же время сторонником террористической диктатуры в России; нельзя доказывать у себя дома, что свобода, самодеятельность, самоуправление трудящихся масс являются необходимыми предпосылками для построения социалистического общества, а для России допускать, что социализм можно успешно подготовить и победоносно осуществить и при помощи ГПУ и концлагерей особого назначения.

Но если-бы даже европейские социалисты захотели удержаться на этой морально и политически двусмысленной позиции, то им не дали бы этого сделать коммунисты. Ибо если социалисты—во имя добрососедских отношений с коммунистами и принимая во внимание особую «чувствительность» большевиков ко всякой критике,—и отказались бы от самостоятельной, критической позиции по отношению к большевизму и коммунизму, то, как показал и французский опыт, европейские коммунисты (и большевики в России) никогда не согласились бы на аналогичное замалчивание «первородных грехов» социалистов. Они ни на минуту не прекратили бы критики всего того, что является специфическим для демократического социализма, в отличие от коммунизма. Самая яркая пропаганда большевистских методов и идей, подкрепляемая постоянными ссылками на блестящие результаты, достигнутые-де при их помощи в Сов. Союзе; самое бесцеремонное использование вынужденного молчания социалистов по поводу то-

против террористов и казнокрадов, а не против всех инакомыслящих, против всего населения.

Но без ослабления диктатуры, без гарантий личной свободы и свободы политических группировок какие же выборы? Говард, в беседе со Сталиным, взял быка за рога, прямо поставив вопрос: «В какой мере новая избирательная система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах попрежнему будет выступать только одна партия»? Тот же вопрос Молотову поставил и Шастенэ. Ответы Сталина и Молотова представляют собою сплошную казуистику, помноженную на лицемерие и изворотливость.

Сначала немножко сталинской теории. «Где нет нескольких классов, — сказал продолжатель Маркса-Энгельса-Ленина, — не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса». Но политическая партия, даже классовая, социалистическая партия, по охвату и уже и шире класса. Пусть, однако, Сталин прав: партия есть часть класса. Но и в таком случае, как показывает история рабочего движения во всех странах, в рабочем классе могут быть различные концепции по вопросу о формах и путях социального освобождения и соответственно этому могут складываться различные группировки, фракции и партии, в свободной идейной борьбе формирующие взгляды и волю класса. Почему даже в подлинно бесклассовом обществе не может быть разных взглядов на методы ведения государственных дел и соответственно разных политических группировок, лояльно соревнующихся на почве демократии за завоевание большинства на сторону своих взглядов?

Но все эти рассуждения теоретизирующего диктатора имеют логический порок: утверждается предпосылка, которая сама еще должна быть доказана. Точно-ли в Советской России нет классов, стерты социальные грани? Нет, правда, класса капиталистов, исчез класс помещиков. Но сам Сталин вынужден признать в той же беседе существование «прослоек» — рабочих, крестьян, интеллигенции, — каждая из которых «может иметь свои специальные интересы». От переименования классов в «прослойки» дело не меняется. Сталин, правда, утверждает, что эти «прослойки» могут отражать свои специальные интересы «через имеющиеся многочисленные общественные организации». Но эти организации — спортивные, культурные, кооперативные, профессиональные — явно не могут служить орудием выражения политических интересов разных «прослоек» формально бесклассового общества.

го, что творится большевиками; фактическое превращение социалистов в сообщников и попустителей не только советского рекламизма и очковтирательства, но и гепеушного терроризма, — все это очень скоро должно будет заставить социалистов выйти из состояния «анабиоза». Сначала по вопросу о пропагандируемой коммунистами возможности приложить большевистские методы к европейским странам, а затем и в связи с самой Россией. Проблема России, выпяченная в социалистическую дверь, вошла бы через коммунистическое окно.

Конечно, если только социалистическая партия сознательно не пойдет на политическое самоубийство. Ибо параллельное существование двух рабочих партий, работающих в одной и той же социальной среде в тесном сотрудничестве между собою, без практических расхождений и без взаимной полемики по текущим политическим вопросам, является нелепостью. Такие партии должны слиться, и если они этого не делают, то это с политической точки зрения — ничем неоправданное расточение сил. Если же при этом компартия фактически сохраняет за собою, в форме непрерывной апо-

Если в условиях достраивающегося социалистического общества «не может быть питательной почвы для содания борющихся между собой партий», то почему диктатура так цепко держится за партийную монополию большевиков, за однопартийность? Очевидно, она имеет основания опасаться того, что при отказе от партийной монополии узурпированный большевиками мандат на монопольное представительство пролетариата всех других «прослоек» пореволюционного общества не будет подтвержден при свободном соревновании партий на свободных выборах...

Чтобы рассеять законное недоумение своего собеседника, Сталин настаивает на том, что избирательная борьба — и горячая — будет все же вестись... но в формах «практических» — о жилищном строительстве, школах, о канализации, о действиях местных властей. Будут и непартийные кандидаты, — развивает мысль Сталина Молотов, — от «беспартийных» организаций — кооперативных, спортивных, культурных и т. п. Но ведь такая постановка избирательной борьбы хорошо знакома уже нам по опыту советских выборов, ведущихся на почве «местных польз и нужд», с выставлением — для запаха — известного, заранее установленного процента беспартийных кандидатов, намеченных комитетом ячейками. Эта-то практика и привела к омертвлению советов, к превращению их в штемпелевальную машину диктатуры. В подобных условиях выборность и ответственность всесоюзного правительства «перед народным представительством, выбранным на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права», о которых говорил Молотов в беседе с Шастенэ, неизбежно превратятся в такую же фикцию, как выборность и ответственность большевистского правительства при нынешней советской системе.

И тем не менее реформа советской конституции имеет немаловажное значение. Она пробивает брешь в большевистской идеологии. Она возвращает советское население, особенно новое поколение, к большим политическим вопросам об устройении государства. «Снижая» принципиальное противопоставление советской системы — формальной демократии, она облегчает борьбу за действительную демократизацию страны. Размах этой борьбы будет определяться давлением трудящихся масс города и деревни по мере осознания ими

логетики и возвеличения русского большевизма, правды пропаганды специфических основ коммунистического мировоззрения, в то время, как социалисты добровольно накладывают на себя обет молчания, т. е. обязательство не заниматься пропагандой специфических социалдемократических взглядов, немислимой ныне в условиях критики русского большевизма, — то это положение фактического неравноправия неизбежно должно приводить социалистическую партию в очень опасную ситуацию. Выйти из нее она не может, не вернув себе свободу критики большевизма.

Опыт единого фронта во Франции еще раз убеждает нас в правильности положения, выставленного нашей партией: проблема единого фронта неотделима от проблемы России. Сколько-нибудь прочные успехи на этом пути, сколько-нибудь значительное расширение и углубление движения к действительному пролетарскому единству немислимо без серьезных изменений во внутренней политике советской диктатуры. Ключ к пролетарскому единству лежит в руках Сталина.

Р. Абрамович.

необходимости установления нерасторжимой связи между формальным народовластием и режимом политической свободы.

Наша партия всегда строила свои расчеты на пробуждении политической активности масс, в первую очередь, рабочих масс. Эта активность задавлена сейчас прессом тоталитарной диктатуры. Лишь половину правды говорит передовик «Правды», утверждая, что большевистская революция «призвала к управлению государством и научила искусству управления миллионы трудящихся», создав тем самым «условия для столь широкого, подлинно всенародного демократизма, какого мир не знал и не мог знать». Большевистская диктатура действительно вовлекла в административно-хозяйственный аппарат миллионы трудящихся, но научила их искусству управления, но не самоуправлению. Активность масс, разбуженных революцией, направлялась сознательно по ложному руслу, ведущему не к всенародному демократизму, а к плебисцитарному цезаризму.

Наше, меньшевистское, понимание активности — другое. Мы видим условие подлинного демократиз-

ма в свободной политической самодеятельности народа и прежде всего — рабочего класса. Мы не питаем поэтому никаких иллюзий насчет октроированной Кремлем «небывалой демократии». Разоблачение этих иллюзий есть начало политического просвещения масс. Но действующие в России товарищи и все сознательные рабочие должны искать путей для использования подготавливаемой реформы советской конституции, а в будущем и самой избирательной кампании для постановки перед массами вопроса о политической свободе, как предпосылке подлинного демократизма, и для сплочения их под знаменем демократического социализма. Только на месте можно будет решить, окажутся ли наличные реальные зацепки для пробуждения и оформления политической активности масс в связи с реформой советской конституции в формально демократическом духе. Превратить демократический мажоранд в демократическую действительность можно, лишь используя все возможности для пробуждения в массах вкуса к свободе, которая является условием их подлинного социального освобождения.

П. Гарви.

Доходы колхозов и колхозников

Недавно опубликованы материалы сплошного обследования колхозов двенадцати типичных районов различных областей СССР за 1933-34 гг. Обследование охватило значительную часть колхозов и, в сопоставлении с обследованиями, произведенными ранее по тем же самым районам, Научно-Исследовательским Колхозным Институтом за годы 1932-33, дает возможность сделать некоторые важные выводы*).

Доходы и накопления МТС и колхозов.

После колоссальных разрушений, произошедших в сельском хозяйстве во время принудительной коллективизации, очень существенно знать, началось ли восстановление хозяйства и, если началось, то каким темпом происходит восстановление основного капитала сельского хозяйства. Ясного ответа на этот вопрос материалы обследования не дают, но некоторые отрывочные выводы все же можно сделать.

Нет возможности исчислить точно, какая доля всего валового дохода сельского хозяйства поступает в кассу государства налоговыми каналами, обязательными поставками, гарцевым сбором и оплатой работы МТС. Но отчеты колхозов целых районов показывают, что государство в 1933-34 гг. получало от 28 до 50% всех валовых доходов колхозной деревни, в зависимости от районов и размеров колхозов. Из валового сбора зерна государство получило в 1934 г. в порядке натурального налога и полуобязательных сдач свыше 300 млн. дв. центн. зерна, т. е. свыше одной трети валового сбора зерна этого года. Еще более велика доля, которую государство получает натуральным налогом на технические культуры: хлопок, лен, свеклу, масличные и пр. В отношении хлопка и льна она достигает 80-100% всех сборов.

Часть сумм, полученных из деревни, государство возвращает сельскому хозяйству в форме различных ассигновок и кредитов. За период 1929-34 гг. государство вложило на строительство и расширение МТС свыше 2 млрд. руб. и ассигновало на создание основ-

ных фондов колхозов 5,4 млрд. руб. Особенно быстро растут основные капиталы МТС. Тракторный парк МТС за 1934 г. увеличился на 30%, а за 1934 г. — на 49% и достиг к концу 1935 г. — 263,7 тысяч штук. Мощность тракторного парка достигла 4.445 тыс. лошадиных сил, возросших за два последние года на 80%. Удельный вес механической тяговой силы МТС в общем запасе механической и жилой тяговой силы всех колхозов и МТС равнялся на 1 июля 1934 г. — 25,2%, а на 1 июля 1935 г. — 32,8%. Число комбайнов в МТС достигло к концу 1934 г. 15,2 тыс. штук, а к концу 1935 г. — 29,9 тыс. штук. Число тракторных свеклоподъемников за два последние года увеличилось вдвое, льнотеребилки — втрое и т. п. Количество молотилок, сеялок, ремонтных мастерских и подсобного хозяйственного инвентаря за последние два года возросло в 2 и 2½ раза. Обследование показывает, что, напр., МТС Спаского района имели на 1 января 1934 г. по 113 руб. средств производства на каждый обслуживаемый ими колхозный двор, а к 1 января 1935 г. — стоимость средств производства возросла до 215; МТС Купинского района имели на 1 января 1934 г. на 355 руб., а на 1 января 1935 г. — на 507 руб.; Безычугского района на 1 января 1934 г. 380 руб., а на 1 января 1935 г. — на 544 руб. и т. п.

Если вспомнить, что накануне войны 65% всех орудий для вспашки почвы были сохи, косули и деревянные плуги, то рост орудий производства МТС будет несомненен.

Быстрый рост средств производства МТС несомненно означает повышение общего уровня экономики и техники деревни, но это же обстоятельство свидетельствует об огромном возрастании хозяйственного влияния советского государства на всю экономику деревни.

Несколько медленнее, но все же довольно быстрым темпом, растут производительные силы и в колхозах. В 1934 г. фонд накопления возрос по сравнению с 1933 г. на 15-18%, и в 1935 г. равняется в среднем 150-300 руб. на один колхозный двор. Очень велики колебания и абсолютных размеров накопления

* «Социалистическая Реконструкция Сельского Хозяйства», 1936 г., № 1 и 1934 г. № № 1, 8 и 9.

и их доли в валовой выручке колхозов. В зависимости от размеров и степени благосостояния одни колхозы отчисляют в фонд накопления до 40% валовой выручки, в то время как другие не свыше 14% *). В абсолютных цифрах эти колебания выражаются: в первом случае свыше 800 руб. на двор, во втором — лишь 171 р.

Если учесть, что в довоенное время подавляющее большинство крестьянских хозяйств имело не свыше 120-180 руб. валового дохода и, естественно, не могло иметь никаких накоплений, а зажиточное крестьянство имело накопление в среднем 400-500 руб., то нельзя не признать, что суммы, отчисляемые в настоящее время колхозными дворами в фонд накопления, если они верно начислены, очень велики. По бюджетным данным 1927 г. накопление в то время равнялось в среднем 3%, а по зажиточным хозяйствам возросло до 9% валовой выручки, в современных же колхозах по данным обследования Колхозного Института накопления достигают 14 и даже 40% валовой выручки. Конечно, после выполнения государственных обязательных поставок, натурплат, гарнцевых сборов, контрактных продаж и пр.

То обстоятельство, что колхозная деревня отчисляет в таком крупном размере суммы в фонд накопления, факт сам по себе несомненно положительный, но он же свидетельствует о чрезвычайном снижении доли, поступающей на нужды деревенского потребления, о чем мы будем говорить ниже.

Интересно рассмотреть структуру колхозных расходов и колхозного накопления. Из валового дохода колхоз раньше всего отчисляет доли, идущие на покрытие государственных повинностей. По колхозам Западно-Сибирского края эта доля равняется в среднем 41,1%, по Азовско-Черноморскому району — 22,9 проц., по Калининской области — 34%. На производственные расходы, в том числе и на оплату работы МТС, отчисляется от 13,2 до 25,9%, на административно-управленческие расходы — от 0,7 до 2,3% и, наконец, в неделимый фонд, отчисляется от 8,6 до 10,5% всей валовой выручки на один двор. Если же исчислить отчисления в неделимый фонд в отношении к денежной части валового дохода, то они достигают 13,0-31,2%. Интересно отметить, что исчисляя размеры фонда накопления, советские органы зачисляют в этот фонд не только капиталы неделимого фонда, не только прирост имущества, но также и суммы, идущие в уплату налогов, страховых платежей и на погашение долгосрочных производственных ссуд, называя эту долю «государственным фондом перераспределения».

Накопления колхозов выражаются в увеличении и улучшении колхозных хозяйственных построек, в приобретении хозяйственного инвентаря, в росте стада рабочего и молочного скота и в увеличении денежных капиталов колхозов. По официальным данным Наркомфина за последний год вклады колхозов в сберегательные кассы утроились. Многие отдельные колхозы имеют вкладов свыше 1 млн., а в целом денежные капиталы всех колхозов Союза в банках и сберегательных кассах превысили сумму в 10 млрд. руб. По ряду районов прирост основных средств производства колхозов был равен в 1934 г. 28%, а в некоторых районах достиг даже 60% за год. Быстро возрастает число двигателей и автомашин, принадлежащих колхозу. Стоимость хозяйственных построек и сооружений возросла за 1934 год на 35%.

Довольно быстрый рост средней доходности колхозов дает основание предполагать, что столь же быстро возрастают доходы отдельных колхозников. Но, к со-

жалению, практика колхозов до 1934 г. свидетельствует о иных тенденциях. Как и во всем советском хозяйстве, рост производительных сил в колхозах происходит не только благодаря лучшей организации хозяйства и более высокой технике, но и за счет снижения доли крестьянского дохода, и даже на цели потребления. Производственные расходы в колхозах на единицу продукции благодаря крупным размерам хозяйства, техническим усовершенствованиям и увеличению товарности, превышает в среднем 40%, в то время как до войны были равны для русского крестьянского хозяйства менее 47%. Это факт несомненно положительный. В то же самое время расходы на личное потребление крестьян-колхозников упали до 31%, в то время как до войны они достигали 60%. Этот факт несомненно отрицательный, говорящий о том, что колхозная деревня за последние годы систематически отказывалась от нормального потребления, отчисляя под давлением государственных органов слишком высокую долю на оплату государственных налогов и для создания самых разнообразных колхозных фондов. Это обстоятельство признано в последнее время и советской властью так называемый, «сталинский устав» рекомендует отчислять в неделимые фонды не свыше 10, максимум 20% денежных доходов.

Рост доходов колхозников.

Уже с 1933 года наблюдается значительный рост доходов колхозников. В 1934 г. этот процесс продолжается. Возросло число трудодней, приходящихся на одного колхозника. Подробных данных о числе трудодней с распределением по группам за 1935 г., к сожалению, еще до сих пор не опубликовано. Но в среднем по 13 областям, краям и республикам, по которым имеются сводные итоги бюджета колхозников, одна колхозная семья в 1935 г. выработала 462 трудодня, в то время как в 1934 г. средняя по всему СССР равнялась 325 дням, в 1933 г. — 260, а в 1932 г. — 180 трудодням. Значительно возросли и натуральная и денежная часть доходов колхозников. Обследование 85.000 колхозов дает следующую картину динамики роста натуральных доходов. Распределено в центнерах на 1 колхозный двор:

Годы	Зерно	Картофель	Овощи
1932	5,5	2,1	0,5
1933	9,8	5,7	1,4
1934	10,9	7,8	5,4

Эти данные показывают большое возрастание доходов колхозников за последние два года. Но все же доходы и по сие время ниже прожиточного минимума сельского населения, исчисляемого в довоенное время в среднем в 2,5 центнера зерна на душу. Наиболее вдумчивые руководители советского сельского хозяйства понимают это обстоятельство и, сообщая эти цифры, Яковлев на съезде Советов заявил, что эти данные еще не свидетельствуют о достигнутом благосостоянии так как зерна «едва-едва хватает для прокормления семьи колхозника».

То же обследование показывает, что процесс дифференциации доходов колхозников по районам и внутри отдельного колхоза усиливается. Так из 12 обследованных районов в семи районах распределение на один колхозный двор было от 2-х до 5 центнеров, а в 5 районах от 10 до 17 центнеров зерна. Не менее велико различие в выдачах и по другим продуктам. Так, напр., по Гулякевичинскому району колхозный двор получил по трудодням в среднем за 1934 г.: мяса 52,2 кгр., молока 105 литров, подсолнухов 2,32 центнера, картофеля 2 центне-

*) После отчисления государственных повинностей.

ра, грубых кормов 14,5 центнеров, а по Венгеровскому району было выдано мяса лишь 7,6 кг., молока 82 литра, картофеля 1½ центнера, грубых кормов 25 центнеров.

Существенно увеличились доходы колхозников и их питание благодаря легализации и расширению их усадьбы хозяйства. По данным переписи к 1 января 35 года на каждые 100 хозяйств колхозников было 95,5 голов крупного рогатого скота, 58,2 коров, 42,3 свиней и 84 голов овец и коз. На 1 января 1936 года соответствующие цифры были: 117,2; 61,5; 68,1; 115,3*). За второе полугодие 1935 года поступление мяса и сала от убоя скота увеличилось по сравнению с этим же периодом 1934 года на 30% и составило в среднем за месяц около 6 кг. на одно хозяйство. За 1934-35 годы поступления молока от личного хозяйства колхозка в среднем на душу увеличилось по сравнению с 1933-34 гг. на 20%.

Разработанные Колхозным Институтом данные 226 бюджетов колхозников обследованных районов позволяют сделать следующий вывод: «Главный продукт питания, хлеб и корма для животноводства, колхозники почти на 100% получают от колхозов. Другие же продукты, как, напр., молоко, мясо, овощи, картофель и т. д., колхозник получает, главным образом, от своего личного усадьбы хозяйства».

Сильно возросли и денежные доходы колхозников. Абсолютные суммы этих доходов еще весьма малы: они колеблются между 50 и 335 руб. в год на один колхоз-

ный двор. Этих средств далеко не хватает на приобретение самых необходимых промышленных товаров. И то обстоятельство, что приобретение колхозниками обуви в среднем увеличилось на 18%, а одежды на 36% и т. п., говорит лишь о том, как ничтожно было это приобретение за предыдущие годы.

Если соединить все виды доходов колхозников по данным бюджетных исследований, то они достигнут в денежном выражении в среднем по Гульткевичскому району 3.261 руб. на один двор, по Кирсановскому району — 2.878 руб., по Уваровскому и Венгеровскому районам — 1.480, по Корсунскому — 1.478 и Верхне-Хавскому району — 1.372 руб. Таковы средние доходы отдельных колхозников. Но те же обследования отмечают, что имеются отдельные семьи колхозников-ударников, денежные доходы которых достигают 7 и 8 тысяч рублей в год. И немало миллионов семейств колхозников, которые имеют доход ниже среднего уровня.

Цифровые материалы советских обследований весьма приблизительны и часто неточны, но общие тенденции они устанавливают верно.

За последние 2 года доходы колхозов и колхозников несомненно возросли, но они еще сейчас в массе находятся на уровне весьма и весьма далеком от благосостояния.

А. Югов.

*) «Правда», 15 марта 1936 г.

Под флагом рационализации

Извилисты и трудны пути новейшей советской рационализаторской политики. Превосходные, оборудованные по последнему слову современной техники, наши промышленные гиганты за редкими исключениями далеко отстают по своим производственным показателям от зарубежных образцов. Это превосходство Запада коренится не только в высокой производственной культуре западно-европейского пролетариата и его более высоком жизненном уровне и не только в наличности очень значительных и превосходных кадров технической интеллигенции, но и в громадном организационном опыте, накопленном в лучших западно-европейских предприятиях, в значительно лучшей организации производства, обеспечивающей лучшее использование современной техники.

«Проблема освоения» сводится для нас в значительной мере к проблеме рационализации производства. О рационализации производства у нас говорят и пишут много, особенно в последние месяцы в связи со стахановским движением, которое будто бы является подлинным выражением рационализаторских стремлений рабочего класса. Это, конечно, ошибочно. Я уже имел случай отметить мимоходом на страницах «Социалистического Вестника», что стахановское движение ставит проблему рационализации на голову, исходя не от организации предприятия в целом, как этого требует всякая разумная рационализация, а от отдельного рабоче-

го места*). На этом вопросе стоит остановиться подробнее. Тем более, что для освещения его сейчас имеется уже немало эмпирического материала.

Увлечение рационализацией по «стахановскому методу» для наших хозяйственников отнюдь не случайно. Здесь сказалась, повидимому, застарелая привычка подменять проблему повышения производительности труда проблемой усиления его интенсивности. Между тем в Советском Союзе — больше, может быть, чем в любой стране развитого капитализма, — осуществление рационализации требует в каждом отдельном предприятии прежде всего упорной работы над улучшением организации предприятия в целом. Вне этого нечего и думать о прочном достижении производственных показателей, являющихся нормальными для технически передовых зарубежных предприятий. Это нетрудно показать прямо с математической очевидностью. В «За Индустриализацию» приводились недавно сравнительные данные о распределении рабочего времени квалифицированных рабочих в нефтяной и в автотракторной промышленности в Советском Союзе (в первые 9 месяцев 1935 года) и в Соединенных Штатах Америки. Над данными этими стоит призадуматься. Вот, напр., как распределялось рабочее время в автотракторной промышленности (в процентах):

заться убыточным. Обобщественное хозяйство приучает мыслить в народно-хозяйственных рамках, приучает подчинять частные интересы интересам целого. Тем более поразительно, что в полном противоречии с этим прогрессивным принципом у нас умудрились даже в рамках отдельных предприятий развязать стихию полу-анархической псевдо-рационализации.

*) Проблема рационализации производства встает у нас — в принципе — иначе, чем на Западе: громадное обобщественное хозяйство может подходить к проблемам рационализации с точки зрения интересов народного хозяйства в целом, а не под углом зрения отдельного предприятия. И то, что с точки зрения отдельного предприятия может оказаться нерентабельным, в рамках народного хозяйства в целом может нередко в полной мере себя оправдать. И даже больше: то, что для отдельного предприятия может оказаться экономически целесообразным, может для народного хозяйства ока-

	СССР	США
Машинное время	25-30	60-75
Вспомогательные операции (ручное время)	25-40	20-30
Простои, устранение неполадок	30-50	10-15
Еще резче контраст в нефтяной промышленности (по буровым работам):		
	СССР	США
Собственно бурение (машинное время)	24,6	75-80
Вспомогательные операции (спуск и подъем инструм., крепл. скваж. и пр.)	43,7	18-20
Простои (ожидание оборуд., материалов, аварии и их ликвидация)	31,7	2-5
	(«За Инд.» от 1-го января).	

Потери от трети до половины рабочего времени на простои и неполадки и затрата громадной части рабочего времени на вспомогательные работы — нужно ли более убедительное доказательство того, что поднятие производительности труда требует у нас прежде всего улучшения организации предприятия в целом? Только таким путем можно достичь и хорошей организации «рабочего места». Конечно, это трудно. Но все попытки уклониться от этих трудностей и подменить эту задачу задачей обеспечения высокой производительности труда передовых стахановцев (нередко за счет не-стахановцев) могут привести к кратковременному успеху, но лишь еще более затруднить действительное проведение последовательной и единственно обеспечивающей прочный успех рационализаторской политики.

Правда, у нас против такого рода затруднений есть универсальное средство: новое «сумасшедшее» напряжение труда. Об этом можно найти в советской печати сколько угодно свидетельских показаний. Вот, напр., директор Днепропетровского завода им. Петровского Бирман рассказывает, как проводились на заводе «стахановские сутки». Препятствия к достижению намеченного рекорда были громадны: «плохо с коксом — сплошной мусор и орешек», «руда — мелкая, совсем пылеватая», подача газа «ненадежна», «недостаток лома», «резко сократился отпуск кислорода». И все эти препятствия были преодолены и рекорд достигнут. Но какой ценой?!

«...Все это достигнуто в результате такого напряжения, которое невозможно поддерживать непрерывно. Ведь не могут же начальники цехов дежурить постоянно день и ночь. Не может все руководство завода день и ночь быть в цехах. Нельзя ожидать, что каждая бригада добровольно придет на работу за несколько часов до начала смены и задержится после окончания смены еще несколько часов. ...Это стоило буквально сумасшедшего напряжения и сопровождалось невероятной суетой. Наша задача подготовиться к следующему стахановскому дню уже с тем, чтобы дать по крайней мере (!) те же результаты, но без такого напряжения, без чрезвычайных мероприятий, дать их в обычной «будничной» обстановке» («За Инд.» от 18-го января).

Автор отчета, повидимому, и сам не замечает, какой суровый приговор он выносит «стахановскому методу». Ведь то, за что он сейчас ратует, может быть достигнуто лишь в результате действительной рационализации, принципиально враждебной той «стахановской» штурмовщине, которую он так ярко изобразил.

Стахановская псевдо-рационализация рано или поздно неизбежно должна была и с узко экономической точки зрения привести к ряду отрицательных последствий. В последние недели в советской печати — особенно в экономической — все чаще раздаются голоса, отмечающие эти тревожные явления.

Во многих предприятиях стахановское движение вызвало отчаянную погоню за количественными достижениями, хотя бы и за счет качества, и страницы газет вновь запестрели жалобами на увеличение брака. Улучшение качества продукции

является у нас, как известно, одной из серьезнейших задач промышленной политики. В последние два-три года для разрешения ее немало было сделано. Стахановское движение оборвало эту нить развития:

«...На некоторых предприятиях борьба за качество прямо ставится в подчиненное положение. «Гони качество, а с качеством потом разберемся», — это в худшем случае. В худшем же — умышленно предпринимаются меры, заведомо срывающие качество продукции лишь бы было количество. Зачастую это достигается путем изменения технологического процесса в сторону «упрощения», сокращения операций, а, по существу, в сторону его ухудшения...» («За Инд.» от 9-го февраля).

«...Среди некоторой части директоров в ходу поговорка насчет того, за качество, мол, пока никого не выгнали, а за невыполнение программы выгоняли, так давайте же гнать производственную программу ущерб качеству... Односторонне понимаемая борьба за производительность труда привела к тому, что на ряде наших станкостроительных заводов (пишет главный инженер Главстанкоинструмента) оказалось вовсе неизвестным понятие «отличник», начался рост брака. Стали практиковаться выработка отдельных деталей на один-два года вперед, при необеспеченности сборочным комплектом деталей» («За Инд.» от 13-го февраля).

Таким сообщениям сейчас счета нет. На станкозаводе им. Орджоникидзе «серьезно ухудшилось качество обработки» («За Инд.» от 16-го февраля). На хлопчатобумажных фабриках Ивановской области «в погоне за рекордными цифрами выработки допустили резкое ухудшение качества продукции» («Легкая Индустрия» от 20-го февраля). На «Красном Выборжце» в Ленинграде «брак вскочил до 20-23% при лимите в 1,5%» («За Инд.» от 21-го февраля), на Горьковском автозаводе брак доходит до 15-25-40% («За Инд.» от 9-го февраля), а на Горьковском радиозаводе по некоторым деталям даже до 60-80% («Труд» от 27-го марта). И т. д., и т. д.

Выше уже отмечалось исчезновение отличников на станкостроительных заводах. Возникшее в начале прошлого года движение отличников, энергично стимулировавшееся премиями и многочисленными привилегиями для отличников, с социально-политической точки зрения таило в себе некоторые опасности. Но с экономической стороны оно представляло несомненную ценность, сосредоточивая внимание на качестве промышленной продукции; и на многих предприятиях оно привело уже к положительным результатам. Сейчас ему перебит хребет. И даже на заводе им. Менжинского, колыбели движения отличников, «в ряде цехов из рядов стабильных отличников выбыли некоторые наиболее прославленные теперь стахановцы» («За Инд.» от 21-го февраля).

Параллельно свертыванию отличничества вновь подняла голову притаившаяся было «незавершенка» «Стахановское движение на ряде предприятий вызвало рост незавершенного производства. В результате стахановских суток и пятidineвок оперируют высокими процентами валового выпуска, между тем как рост выпуска готовой продукции бывает незначителен» («За Инд.» от 28-го января). «В результате увлечения процентами, количественными показателями создались громадные завалы незавершенного производства» («За Индустр.» от 16-го февраля). Вновь пыльным цветом расцвела «штурмовщина» с «ухарским отношением к механизмам» («За Инд.» от 2-го февраля), с забвением планово-предупредительного ремонта («За Инд.» от 29-го февраля), с приостановкой подготовительных работ («За Инд.» от 17-го марта), с «грубыми нарушениями трудового законодательства» вплоть до работы подростков по две смены подряд («Труд» от 14-го марта).

Это не значит, конечно, что громадное напряжение сил всего персонала промышленных предприятий, к которому привело стахановское движение, не дает совсем никаких результатов. В ряде предприятий и отраслей промышленности результаты этих усилий вне сомнения, но вне сомнения и глубокое несоответствие между размерами усилий и их результатами. Особенно там, где хозяйственное руководство не сумело своевременно перевести рационализацию по-стахановски на рельсы систематической действительной рационализаторской работы. Устрашающий пример — угольная промышленность Донбасса. Здесь зародилось стахановское движение. Здесь оно праздновало свои первые победы. Здесь наблюдался в первые месяцы движения наибольший рост продукции. Но в январе произошла явная заминка, а с начала февраля*) начался резкий спад: тому непреерекаемое свидетельство — падение выработки: в течение трех декад февраля и первых двух декад марта среднесуточная добыча угля в Донбассе последовательно выражалась следующими числами (в тысячах тонн): 229,6 — 217,5 — 215,8 — 210,0 — 210,7.

Сейчас об угрожающем положении в Донбассе говорят открыто: «В Донбассе огромная часть лав искривлена... Шахты запущены». На шахте № 17-17-бис «доходило до того, что шахтеров снимали с подготовительных работ, привлекали даже пожарную команду, чтобы дать стахановскую добычу». «Ряд шахт дезорганизованы штурмовщиной, нужно форсированно приводить их в порядок» («За Инд.» от 17-го марта).

Опыт Донбасса окажется, вероятно, роковым для судеб стахановской штурмовщины и партизанщины. Тем

более, что и в самом Донбассе есть немало примеров того, как можно успешно бороться за повышение производства. Так на шахтах Свердловугля в феврале из 172 врубмашинистов 78 не выполнили новых норм выработки; в то же время на шахте № 23 того же треста, «где хозяйственники организовали соответствующие условия работы, все без исключения врубмашинисты в феврале перевыполнили новые нормы» («Труд» от 23-го марта). Сознание необходимости планомерной организации производства «во всех звеньях производственной цепи» распространяется все шире. Правда, все это прикрывается — в порядке приспособленчества — именем стахановского движения, но это уже не имеет значения. По существу же нужно сказать: стахановская псевдо-рационализация умирает, подготовив почву для широкой постановки вопросов рационализации в Советском Союзе. И лишь в одном отношении отголоски стахановского движения, вероятно, еще долго будут сказываться на развитии рационализаторской политики: упором на крайнее усиление интенсивности труда. Это наша застарелая болезнь, которая в связи со стахановским движением лишь обострилась. О борьбе с нею мы не раз беседовали, не раз еще к ней вернемся. Но это уже другая тема.

С. Шварц.

*) Заметим мимоходом, что этот перелом совпал в Донбассе с введением в действие (с 1-го февраля) новых норм выработки. Имеется ли причинная связь между этими явлениями, сказать сейчас наверняка еще нельзя. Но трудно в то же время допустить простое совпадение.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ПОИСКИ НОВОГО НА СТАРЫХ ПУТЯХ.

Генеральная линия официально не отменена, ее итогами верхи советского общества — и «ведущие» писатели в том числе — как будто довольны. А между тем, на всем фронте идеологии с ведома, а главное, при активном участии официальных ее блюстителей происходит весьма знаменательная ревизия — ревизия морали, быта, искусства.

По всем этапам официального идеологического здания снуют энергичные люди, получившие задание из его капитальный ремонт. В отличие от понятий «мировой социальной революции», «диктатуры победившего пролетариата», которые в начале революции с боем занимали места на узких газетных столбцах, — «великорусский народ», «советская держава», «родина» располагаются на тех же столбцах с уверенной осанкой знающих себе цену понятий, а революционные лозунги вежливо и предупредительно пропускают их вперед.

Писатели и публицисты, близко стоящие к этой ревизии, воспринимают ее по-разному. Одна часть писательской общественности живет сейчас с затаенным и радостным чувством «Ныне отпускаеши». Она приветствует ту «широкую метлу», которая выметает «словесный шлак» из литературы и быта и объявляет «смертельный бой» «всем поэтическим занкам, неряхам, губошлепам и путаникам, какими бы лозунгами не прикрывали они свое бракоделие» (К. Чуковский). Другие писатели, как Асеев, Пастернак, Олеша не могут скрыть тех «болевых ощущений», которые они испытали, прочтя новые директивные статьи «Правды» по искусству. Третьи — и их много — спешат «перестроиться».

Характеризуя итоги Минского пленума союза писате-

лей в предыдущем номере «С. В.», мне пришлось отметить, что официальная резолюция, выдержанная в «левых» тонах и одобрявшая в общем и целом развитие поэзии последних лет, не отражает действительного соотношения сил внутри советской писательской общности. И действительно, не успели писатели раз'ехаться по домам, как по инициативе ЦК союза писателей началась в Москве целая серия писательских совещаний под лозунгом борьбы против «левого трюкачества», формализма и натурализма.

Прежде чем перейти к анализу и оценке этих совещаний, необходимо отметить, что наиболее видные прозаики и критики до сих пор не откликнулись на настойчивые официальные призывы принять участие в этих совещаниях. Бойкот этих совещаний наиболее видными писателями практически приводит к тому, что трибуной совещаний овладевает многочисленная и хорошо организованная фракция «восхищенцев», которым в глубине души совершенно безразлично чем восхищаться, лишь бы предмет восхищения был предварительно высочайше одобрен.

В самом деле, почему бы В. Инбер, специалистке по конструктивным трюкачествам, когда они были в моде, не изобличать сейчас «лукавую природу» этих формалистических трюкачеств у других, если ее тонкий слух уловил, что начальство ими недовольно? Или почему бы и другой поэтессе, Адалис, сделавшей карьеру на излете генеральной линии, изычно не отречься в порядке самокритики от былых увлечений акмеизмом, когда сейчас, просыпаясь, «сонная еще, полная еще лени», она вспоминает: «сердце мое — Ленин». «Сталина слыша, Ленина видит» и за все это пошлейшее рифмоплетство имеет возможность говорить от имени писательской общественности и разносить Па-

стернака за «инфантилизм»? — Большая это тема — наши «восхищенцы» — и жаль, что нет на них Щедрина!

Когда знакомишься с отчетами этих писательских со-вещаний, прежде всего возникает вопрос: почему вдруг, после стольких лет всеми признанных успехов «социалистического реализма» оказалось, что на самом деле успехи его минимальны и, как отметил в основном докладе Ставский, кроме «Поднятой целины» Шолохова да 3-ей части романа Фадеева «Последний из Удегэ», продолжающего тему уездной России в гражданскую войну, назвать-то за все решающие годы генеральной линии, в сущности, нечего? Каким образом в формализме, от которого давно отказались его идеологи и который, кстати сказать, никогда не был популярен, оказались повинны почти все крупные писатели? Общественная биография формалистического течения в нашей литературе очень несложна. Во время нэпа возникла в Ленинграде небольшая группа молодых писателей и критиков, поставившая себе целью изучение формальных приемов художественного творчества. Критические работы этой группы (Шкловский, Эйхенбаум и др.) являются интересным вкладом в литературоведение. Занимаясь изучением формальных приемов творчества в прошлом нашей литературы, им удалось по-иному и глубоко копнуть в социальное прошлое страны. Писатели-формалисты в сложной конкретности сюжета, построенного на больших обобщениях (см. Федин «Города и годы», Каверин «Конец Хазы» и др.), искали выхода из тупика, в котором с начала революции очутилась русская проза. Достаточно проследить за ростом Каверина, как художника, чтобы понять, что проделанная им работа не была напрасной.

Правда, возле этой почти неоформленной группы пристались и случайные люди из беспартийной молодежи — птенцы, выпавшие из буржуазных гнезд во время революционной бури, которые в изучении формальных моментов творчества искали возможности уйти под благовидным предлогом от современности или, по меткому выражению Каверина, «общутить современность».

Условными формалистами можно, наконец, назвать некоторых писателей, как Замятин, Пильняк, Казаков, ранний Огнев (см. его «Щи республики»), которые, торопясь отобразить все неповторимое богатство революционной действительности, пытались ее воплотить при помощи разорванного повествования, сюжетных перестановок и т. д. Это затрудняло читателю понимание вещи в целом, но не воспринималось им как «трюкачество» и формалистическая нарочитость, ибо эта разорванность и осложненность повествования совпадала с разорванностью самого быта дней революции (см. Пильняк «Голый год»). Если бы писатели были менее запуганы окриками начальства, они поняли бы, что каяться в этом формализме им на этих совещаниях было совершенно не к чему.

Понятны поэтому и та тревога, боль и растерянность, которые сквозят в высказываниях лучших советских писателей и поэтов, когда они видят, как после статей «Правды» «широкая метла» наряду с образчиками пошлых «трюкачеств» выметает и ценные искания художников в различных областях искусства (Все «фронты» искусства оказались «больны!»). Особенно понятны эти чувства и потому, что против формалистических трюкачеств ополчаются те же самые люди, которые еще за неделю до появления статей в «Правде» писали о «замечательном искусстве Шостаковича» и в его музыке к балету «Светлый ручей» ощущали «горение наших дней, динамику нашей эпохи». — А сей-

час, столь же дружно и все с той же «большевистской прямотой» они избочивают в произведениях этого музыканта сплошную «какофонию», гримят Мейерхольда за работы его бесталанных подражателей и скорбят об «антидемократичности» формализма в литературе.

Вот против этих-то расторопных чиновников оскорбительно равнодушными руками, которые не любят и не понимают искусства, восстал в своих выступлениях на Московских совещаниях Б. Пастернак. Для грустных нравов нашей писательской общественности нелишне будет отметить, что отчет об этих выступлениях Пастернака нигде не был напечатан. Создалось странное положение: писатели и критики на-перебой (и чем они мельче — тем бойчее!) полемизируют, клеймят, отгораживаются от Пастернака (и самые гимназические упражнения напечатаны полностью), а то, что сказал Пастернак, приходится буквально выковыривать по зернышку из груды словесного шлака, который принесли на эти совещания его участники!

Но несмотря на все бюрократические ухищрения руководителей литературной политики, смысл выступлений Пастернака ясен. В этих выступлениях он продолжал развивать мысли, высказанные им на недавнем Минском пленуме. Смысл их сводится к тому, что страна растет, растут требования к искусству, а основные кадры работников литературы заманеврировались в «банкетно-писательской практике», в «фанфарной пошлости», которая настолько «вошла у нас в обычай, что кажется для всякого обязательной». Писатели все время накладывают на себя «какие-то добавочные путы», «от нас ждут дела, а мы все присягаем в верности». Больше всего возмутило руководителей литературы и их добровольных клеветников то, что Пастернак усумнился в пользе всей шумной кампании «против формализма и натурализма», которая практически сводится к преследованию ценных исканий в области искусства, к преследованию художников, повинных в этих исканиях: «каждый день думаешь о том, кто еще сковырнется». Он осмелился сказать и еще одно: достаточно кому-нибудь из сильных мира сего выкинуть новый лозунг, как все начинают его проводить с неистовством и угнетающим однообразием: «Если вы уже орете, то орите по крайней мере на разные голоса». Не попахивает ли это замечание антисоветским выступлением — настроились некоторые из страшно-«советских» настроенных писателей, типа Адалис.

Отношения Пастернака с официальной общественностью с самого начала были очень сложны. Эта общественность легко мирится и с низким «качеством продукции», и с приспособленчеством, и с откровенной халтурой, но она органически не переваривает проявления независимости в поэтах и писателях. Именно по этой части «грешит» часто Пастернак. Вот почему эта официальная общественность годы подерживала в отношении Пастернака «заговор молчания», используя против поэта «трудность» его стихов. Но несмотря на трудность его поэзии популярность Пастернака все время росла. Лозунг качественного повышения творчества выдвинул Пастернака в первые ряды советской поэзии, хотя он никогда этого не добивался и не в пример очень многим нашим поэтам отличался отсутствием мелкого тщеславия, почти патологической застенчивостью и неумением «подлаживаться». Вот это последнее особенно непереносно нашим «восхищенцам»: Подумаешь, чистоплюй какой!

Два обстоятельства вынуждают так подробно останавливаться на конфликте с Пастернаком. Прежде всего — к счастью для всех искренних сторонников демокра-

тического завершения революции — Пастернак не одинок. Последние месяцы, проходящие в связи с обещанной демократизацией системы под знаком всевозможных откровенных и прикровенных «разговоров», советская публицистика, хотя и с оглядкой и опаской, вынуждена уделять внимание писателям, которые до сих пор стоят в стороне от «восхищенцев». Совсем недавно в журнале «Октябрь» была помещена интересная переписка между критиком и таким писателем (не названным по имени), касающаяся самых животрепещущих вопросов литературы и жизни. Писателю, — рассказывает Чечановский — все последние годы было очень трудно: «Высокий мастер, он боялся бумаги... Километры он молча вышагивал по комнате». «За его эмоциональной незащищенностью, за его грубоватой ироничностью пробивалось хорошее отношение искателя». Что же являлось источником смятения писателя? Оказывается, в течение долгих лет этот «умный писатель» видел свою силу «в изображении страданий... Себя, как человеческий характер, он определял со-горевателем, почти лишенным способности со-радоваться». Вт почему его «солидарность с революцией обострялась, когда было плохо и тесно и она же уводила его на позиции бездейственного созерцания, когда наши дела шли в гору... Тогда он сторонился, оправдываясь тем, что совсем не переносит шумных восторгов».

Дело, конечно, не в том, что анонимный писатель не умеет «со-радоваться», а в том, что в писателе, для которого характерна «солидарность с революцией» и которому дороги жизненные интересы трудящихся масс, за годы генеральной линии отнюдь не исчезла потребность в «со-горевании». Но именно требование официальных идеологов генеральной линии непременно поставлять произведения, в которых были бы изображены одни «достижения», как раз и привело к такому обильному урожаю произведений в интернационально-фашистских и по существу сво-

му антидемократических. Благополучная «со-радовующаяся» официальная идеология этих произведений уживается с вопиющим пренебрежением к жизни и интересам тех масс, которые фактически вынесли на своих плечах всю тяжесть огромного строительства.

В нашей литературе последних лет действительно было немало «шлака», немало произведений формально-благополучных по идеологии, но совершенно лишенных эмоциональной убедительности. Причиной этого разрыва между официальной идеологией и внутренним звучанием является не то или иное «трюкачество», а антидемократичность, характерная особенность художественных произведений и литературной политики всего периода генеральной линии. Можно и нужно, казалось бы, приветствовать ликвидацию этой «линии». Но «руководители литературной политики» меньше всего склонны искать сближения с писателями, «солидарными с революцией», и при первом же конфликте с Пастернаком они вновь оперлись на тот блок «восхищенцев» диктатурой, который начал оформляться в начале генеральной линии и который вместе с руководителями литературной политики несет моральную и политическую ответственность за антидемократические тенденции советского искусства. Вот почему политически неправы писатели, надеющиеся на добрую волю, а тем более, на автоматизм «широкой метлы», которая, мол, сама выметет весь «шлак» из жизни и литературы.

Никогда еще, быть может, за все годы революции так отчетливо не сказывалась глубокая внутренняя связь между судьбами искусства и судьбой всего нового общества. Вне пробуждения широкой и свободной общественной активности нет выхода из общественно-политического кризиса, переживаемого страной, нет путей и к расцвету свободного, подлинно народного и действительно революционного искусства.

В. Александрова.

Рабочее единство и русская проблема

Под этим заглавием помещена в «Попюлер» (20 марта) следующая статья Ф. Дана:

Товарищи, не забывшие еще о той скромной, но не поддающейся никаким кривотолкованиям роли, которую я играл в борьбе за рабочее единство, и о тех тезисах о войне и защите Советского Союза, со-автором которых я был вместе с Бауэром, Жиромским и Дюнуа, будут вероятно несколько удивлены, узнав, что именно я — «общественный враг № 1» и рабочего единства, и Советского Союза. Но это утверждает молодой австрийский экс-социалдемократ, старающийся под псевдонимом «Петер Виден», заслужить свои новенькие большевистские шпоры, и редакция «Юманитэ», гостеприимно предоставившая свои столбцы его двум фельетонам и, со своей стороны, утверждающая, что мое служение делу рабочего единства против фашизма и войны «сводится к превращению этого дела в орудие войны (!) против СССР и Коммунистического Интернационала» *).

Обрушивается Виден на мою статью «Конгресс Коминтерна, пролетарское единство и советская проблема», помещенную в издаваемом Отто Бауэром «Кампф».

За недостатком места я вынужден отказаться от попытки показать, как действует Виден, чтобы навязать мне мнения, прямо противоположные тем, которые я в действительности имею. Но, к счастью, та же самая статья появилась и по-французски в журнале «Комба Марксист», так что интересующиеся этим читатели «Попюлер» смогут сами установить это. Здесь достаточно будет одного примера.

Так, Виден цитирует меня: «за идеологической ликвидацией Коминтерна должна была бы, по правде говоря, немедленно последовать ликвидация и его организационного существования...» Он заменяет многоточием одно единственное

слово, но как раз то слово: «обособленного», которое существенно изменяет весь смысл цитаты. И моя мысль подвергается окончательному искажению, когда он непосредственно продолжает эту урезанную цитату фразой, взятой с совершенно другой страницы и вырванной из контекста. После этого ему уже легче легкого «доказать», что восстановление рабочего единства я мыслю не иначе, как на дутьях поглощения коммунистических партий партиями социалистическими, и по этому случаю открыть против Социалистического Интернационала ту самую «войну» грубых нападок, которую «Юманитэ» не допускает по отношению к Интернационалу Коммунистическому: понимание «равноправия» довольно-таки странное!

Однако, еще в статье о «Рабочем единстве и русской проблеме», помещенной в «Попюлер» 10 ноября 1934 года, я высказал свое глубокое убеждение, что не поглощение одного крупного течения пролетарской мысли другим, а **марксистский синтез** революционного динамизма Третьего Интернационала и демократических принципов (не имеющих ничего общего с «парламентским кретинизмом») Второго навязывается пролетариату, как **единственно возможная основа его единства** и успешности его борьбы. И я так прочно держусь и сейчас этого мнения, что в той самой статье, на которую нападает Виден, еще раз повторяю, что наш Социалистический Интернационал «еще более нуждается в беспощадной критике», чем Коминтерн, чтобы подвергнуть пересмотру «свои старые программы, формулы и лозунги» и «подняться до уровня грандиозных исторических задач, стоящих перед мировым рабочим движением».

**

Напомним, что «около 15 лет тому назад пресловутые 21 условие вырыли непроходимую пропасть между коммунизмом и всеми другими ветвями классового рабочего движе-

*) Петер Виден «Меньшевик Дан и единый фронт» в «Юманитэ» от 10 и 12 марта.

ния», я высказал свое удовлетворение тем, что решения 7 конгресса Коминтерна «означают полную ликвидацию коммунистической идеологии, как ветви рабочего движения, обособленной и даже враждебной всем остальным ветвям его», и что «отныне в смысле политическом, тактическом и организационном партии Коминтерна принципиально становятся на ту-же почву, на которой стоят и действуют партии Социалистического Интернационала», — ибо именно такая общность «почвы» и является необходимым условием действительного и прочного единства. Но мысль о «поглощении» остается столь далекой от меня, что я тут-же прибавляю: «мы сами оказались бы повинны в коммунистическом «сектантстве», отвергаемом ныне конгрессом Коминтерна, если бы вздумали обусловить восстановление единства отказом коммунистов от «их специфической точки зрения на соотношение между демократией и социализмом, на диктатуру пролетариата и на советскую систему» или если бы отказали им в праве свободно бороться в рамках объединенной партии за свои взгляды и за торжество своего течения. «Признание сновных политических и организационных принципов классового движения и обеспечение свободы идейной борьбы всем течениям и оттенкам пролетарской мысли», — это все, что нужно по моему мнению для восстановления единства этого движения.

П. Виден, в полном согласии со мною, готов требовать этой «свободы идейной борьбы» всюду, где коммунисты находятся в меньшинстве, как, напр., в воссоединенной Генеральной Федерации Труда. Но требовать той-же самой свободы там, где господствуют коммунисты, как в Советском Союзе, это значит практиковать «явный саботаж единого фронта» и даже «натравлять на диктатуру пролетариата подозрительные элементы, убиившие Кирова!» Почему? Да потому, что «пролетарские массы и трудовые крестьяне любят Сталина», и «легализовать меньшевиков, троцкистов и т. п., допустить существование другой партии или других течений в рамках коммунистической партии значило бы создать центры сплочения для «всех подозрительных и не окончательно еще уничтоженных контр-революционных элементов». Надо поэтому, начав с «меньшевика Дана», отлучить от церкви Розу Люксембург, самую светлую голову международного коммунизма, Троцкого, неразлучного собрата Ленина по оружию в героические годы революции, Зиновьева, который сам был так долго «богом и царем» Коммунистического Интернационала; надо бросить в тюрьмы и ссылки всех социалистов и всех коммунистов, хоть в чем-либо несогласных с Сталиным; надо лишить пролетариат и даже самих членов коммунистической партии права свободно выражать свои мнения — и все это для того, чтобы не дать контр-революции возможности найти центр сплочения!

Но, когда этот идеал наконец достигнут; когда критическая мысль убита в рядах самой коммунистической партии; когда абсолютное единомыслие стало обязательным, и за одним Сталиным признается право мыслить, говорить и по своему усмотрению управлять аппаратом партии и еще более грандиозным аппаратом страны; — кто поручится, что «подозрительные контр-революционные элементы» не окажутся достаточно хитрыми и не начнут во всю глотку орать о своем полнейшем единомыслии с Сталиным, именно затем, чтобы обеспечить себе верное убежище в рядах самой партии, так радикально очищенной от всех уклонов, от всякой критики, от всякого подлинно-демократического контроля? И когда читаешь в недавних постановлениях Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП, что бюрократические «чистильщики» партии зачастую практикуют «огульное массовое наложение взысканий» на честных членов партии, «пло-

хо разоблачая примазавшихся, разложившихся и враждебных партии людей» и «оставляя безнаказанной их преступную деятельность» («Правда», 17 марта), — то трудно отделаться от мысли, что высказанное выше предположение не так далеко от печальной действительности, как то было бы желательным...

**

Но, в конце концов, дело идет ведь не только о российских социалистах и инакомыслящих. Было бы все-же интересно узнать точно, как представляет себе П. Виден дальнейшую судьбу тех европейских социалистов, которым он притягивает, поверх моей головы, руку для единого фронта? Хочет-ли он сказать, что социалисты — «братья», пока речь идет о борьбе в рамках буржуазного общества, но что, лишь только эта совместная борьба позволит низвергнуть фашизм и капитализм и приступить к строительству социалистического общества, братьям этим не останется ничего иного, как молчать и заселять коммунистические тюрьмы — под тем предлогом, что иначе они станут орудиями контр-революции?

Но речь идет и не о том только, что будет после победы над капитализмом, которая, будем надеяться, все-же не окажется слишком отдаленной. Как я сказал еще в цитированной выше статье моей в 1934 году и как продолжаю думать и сейчас, «самые успехи движения к единству» поставят перед международным рабочим движением влптную «русскую проблему». В своей статье в «Кампф» я повторяю — это и вызывает больше всего гнев П. Видена! — что «можно было отодвигать эту проблему на задний план, пока речь шла об единстве действий в национальном масштабе», но что она «автоматически выдвигается на первый план, поскольку конгресс Коминтерна ставит в порядок дня вопросы международного единства». Я прибавляю, что в этих условиях «русская проблема» встает прежде всего не как проблема общей политики большевистской диктатуры, а как «проблема советского рабочего движения», готовящегося к вступлению в международную пролетарскую семью. И я прихожу к заключению, что советская компартия и советские профсоюзы «смогут стать органической составной частью международного единого фронта» лишь постольку, поскольку они сами «будут организованы на принципах рабочей демократии», которая, как доказывали с таким жаром и такою убедительностью сами докладчики и ораторы коммунистического конгресса, одна только может служить основой единства и, в особенности, организационного единства международного рабочего движения.

Но пора наконец открыть маленький секрет: моя статья в «Кампф» вообще не говорит ни слова о свободе деятельности для «меньшевика Дана» и его партии! Я говорю лишь о необходимости рабочей демократии в советских профсоюзах и в самой большевистской партии. Таким образом атака П. Видена против моей статьи и лично против меня лишь маскирует его атаку против принципа рабочей демократии в рабочих организациях.

Читатели «Попюлер» смогут теперь сами судить, кто из нас лучше служит делу рабочего единства. Что до меня, то я считаю рабочее единство в национальном и международном масштабе такою повелительною необходимостью в перживаемую критическую и решающую эпоху, что моя вера в конечное торжество дела единства остается непоколебимой. А с торжеством единства восторжествует и рабочая демократия — это единственно мыслимая основа самостоятельности и победы рабочего класса в Советском Союзе точно также, как и во всех других странах мира.

В рабочем социалистическом интернационале

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

19 марта состоялось в Лондоне заседание Бюро РСИ, на котором наша партия была представлена Ф. Даном.

Заседание было посвящено подготовке к объединенной конференции Исполкома РСИ с советом Международной Федерации Профессиональных Союзов. В развернувшихся прениях Бюро РСИ подробно обсудило международное положение и поручило своему председателю Де-Брукэру сделать конференции доклад о мнениях, высказанных в ходе этих прений. В кратком совместном заседании с правлением МФПС Бюро заслушало сообщение председателя МФПС Ситрина о тех заключениях, к которым пришло правление Профессионального Интернационала.

Присутствие членов Исполкома РСИ, приехавших для участия в объединенной конференции, было использовано для

краткого совещания — главным образом по срочным вопросам административного характера. От Девера Эллена (Соединенные Штаты) и Ларго Кабаллеро (Испания), которому открыты работ кортесов пожелало принять участие в совещании, поступили письма, объясняющие их вынужденное отсутствие. По желанию французской делегации было постановлено поставить в порядок дня ближайшего нормального заседания Исполкома вопрос о совместных с Коммунистическим Интернационалом выступлениях против военной опасности. Женская организация Бельгийской Рабочей Партии внесла предложение провести среди женщин международную кампанию пропаганды и голосования в защиту мира. Было постановлено предоставить проведение такой кампании отдельным женским организациям тех стран, где это будет найдено целесообразным.

Предположенную на конец марта сессию Исполкома РСИ

было решено, в виду только что состоявшейся объединенной конференции, перенести на первую половину мая, причём президиуму предоставлено право созвать ее и раньше, если того потребует обострение международного положения.

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСИ И МФПС.

20-21 марта состоялась в Лондоне объединенная конференция Исполкома РСИ и Совета МФПС для обсуждения международного положения, созданного гитлеровским нарушением договоров и вхождением германских войск в демилитаризованную рейнскую зону. Председательствовали Де-Брукэ (РСИ) и Ситрин (МФПС). Были представлены: 16 политических партий 35 делегатами, 9 профсоюзных центров 23 делегатами и 15 международных профессиональных секретариатов 23 делегатами.

Конференция началась докладами Ситрина и Де-Брукэра, за которыми последовали прения. Редакционная комиссия в составе Ситрина, Де-Брукэра, Далтона (английская Рабочая Партия) и Венсен-Ориоля (французская социалистическая партия) выработала проект манифеста, представленный на обсуждение конференции на второй день ее заседаний. С некоторыми изменениями и после новой переработки в комиссии этот манифест (печатается ниже) был принят головами 18 делегаций (7 политических и 11 профессиональных) против 1 (польский Бунд) и при воздержании 5 политических делегаций (партии: австрийская, германская, итальянская, РСДРП и швейцарская) и 2 профессиональных (Норвегия, Италия). Конференция уполномочила совместный анти-военный комитет РСИ и МФПС следить за дальнейшим развитием международной ситуации и, в случае надобности, принимать соответствующие шаги.

Единогласно приняла конференция предложенную делегациями Франции, Бельгии и Италии резолюцию, посвященную итапо-абиссинской войне:

«Объединенная конференция Исполкомов РСИ и МФПС подтверждает их прежние постановления о наступательной войне фашистской Италии против Абиссинии и настоятельно требует, чтобы Лига Наций продолжала без колебаний и без слабости действовать во имя спасения независимости Абиссинии, как необходимого условия для торжества права и мира».

Так же единогласно была принята резолюция протеста против отказа делегатам Интернационала в праве присутствовать на суде по делу австрийских социалдемократов. Резолюция эта была немедленно направлена австрийскому правительству и австрийскому посланнику в Лондоне.

МАНИФЕСТ ОБЪЕДИНЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСИ И МФПС

Ко всем рабочим.

Всесветному миру снова грозит серьезная опасность. Снова национал-социалистическая диктатура пытается добиться своих целей нарушением договоров. Разорван не только Версальский договор, но и Локарнский, добровольно заключенный Германией и еще в мае прошлого года торжественно подтвержденный самим Гитлером.

Международное рабочее движение самым решительным образом осуждает этот преступный акт. Конференция констатирует с удовлетворением, что Лига Наций осудила нарушение договора. Терпимость к такому вероломству уничтожила бы всякое доверие к международным договорам и разрушила бы всю систему коллективной безопасности.

Цель последнего насильственного акта Гитлера ясна. Это подготовка к укреплению демилитаризованной зоны и к постройке аэродромов, т. е. первый шаг к нападению на мирные страны восточной и западной Европы. Предлогом к этому нарушению торжественных обещаний служит утверждение, будто франко-русский пакт противоречит Локарнскому договору.

Есть простое средство решить этот вопрос. В 1933 году Гитлер возобновил торжественно провозглашенное его предшественниками признание юрисдикции Гаагского Международного Трибунала: пусть же передадут этот спорный вопрос без промедления на суд этого трибунала! При всех-же переговорах с посланцами Гитлера содержание и форма переговоров должны определяться миролюбивыми государствами в рамках Лиги Наций. Мы не можем допустить, чтобы Гитлер диктовал народам, какие предложения подлежат рассмотрению и какие нет.

Всесветный мир в опасности! Необходимо опереть цивилизацию на прочное основание. Есть лишь одно средство для того: осуществить со всею решимостью коллективную безопасность. Принципы Локарнского договора должны быть усилены и расширены; Лига Наций должна как можно шире установить район их применения. Мир — неделимое целое. Все государства должны объединиться, чтобы незамедлительно идти на помощь стране подвергшейся нападению. Дол-

женъ быть заключен договор, обеспечивающий такую помощь и гарантирующий солидарные действия во имя помощи любой жертве нападения. Договор должен быть всеобщим, быть открытым для всех, соответствовать принципам Лиги Наций и потому не исключать Советского Союза, как того хочет Гитлер.

Международное рабочее движение — как оно сказало уже это по поводу итапо-абиссинского конфликта и повторяет сейчас — готово взять на себя риск и ответственность за такую коллективную организацию мира. Этот риск гораздо меньше, чем риск всякой другой политики. Изоляция и старая система военных союзов ведут, в конце концов, к войне. Преступное нападение нельзя предотвратить моральными проповедями. Каждому, кто откажется бы на нападение, должна быть противопоставлена подавляющая сила, в создании которой должны участвовать по заранее определенному плану все страны. Соответственно этой задаче должно быть регулировано и вооружение отдельных стран. В улучшении системы коллективной безопасности — единственная надежда на значительное облегчение этого тяжелого бремени. Уничтожение частного производства оружия и частной торговли им сделало бы систему безопасности еще более действительной.

Гитлер пытается скрыть свои агрессивные планы мирными заверениями. Он выступает в роли миротворца. Но искренность своих предложений он может доказать лишь тем, что международным соглашением с другими странами сократит свои вооружения и поставит их под международный контроль.

Соглашение о коллективной безопасности на основе взаимопомощи и разоружения должно было бы служить той основой, на которой Лига Наций может предложить Германии заключить, на равных правах, всеобщий договор. Отказ Германии был бы доказательством непреклонности ее замыслов против европейского порядка и мира. В этом случае обязанностью других правительств и народов было бы организовать мир без гитлеровской Германии и принять все меры коллективной безопасности, необходимые для поддержания мира.

Длительный мир может быть построен лишь на основе социальной справедливости и устранения экономических причин войны. Организация Лиги Наций должна быть развернута таким образом, чтобы создалась возможность свободно и систематического обсуждения этих экономических проблем и действительных мероприятий для поднятия жизненного уровня рабочих всех стран.

Мы зовем рабочих напрочь все силы, чтобы повсеместно сокрушить фашизм и дать победу социализму. Мы зовем всех друзей свободы и мира к энергичной и неустанной борьбе против войны. Мы должны укреплять чувство международной солидарности. Мы призываем примыкающие к нам организации сделать все, чтобы в мощном порыве сплотить все единомысленные с нами силы!

ЗАГРАНИЦЕЙ

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ.

Предстоящие выборы в палату депутатов будут иметь исключительно важное значение, они определяют на большой отрезок времени, быть может, на целые десятилетия, как внутреннее развитие страны, так и линию ее внешней политики.

«Топтание на месте» — вот что характеризует общественную жизнь Франции в послевоенный период. За ее пределами происходили гигантские сдвиги, производилась переоценка всех ценностей, а она, в социальной сфере, жила «по старинке», чуждаясь всяких «новшеств» и сохраняя довоенный аппарат буржуазно-демократической государственности. Этот консерватизм не отвечает однако больше потребностям и веяниям нашей эпохи. Народные массы, в особенности молодое поколение, вошедшее в сознательную жизнь после 14 года, чают каких-то «новых слов». Административно-государственная машина, построенная еще в начале прошлого века и лишь слегка подновленная на заре третьей республики, является ныне анахронизмом. Она должна быть переделана по принципу «аэродинамизма», дабы удовлетворить новым запросам, возникшим на основе новой техники и грандиозного роста производительных сил, новых экономических отношений и новых социальных связей и зависимостей.

В этой обстановке, три проблемы являются основными, призванными играть решающую роль в открывшейся предвыборной кампании. Первая — защита республики от фашизма, разоружение и роспуск милитаризованных лиг, укрепление демократии и создание для нее новых форм. Вторая — борьба с кризисом и вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь. Наконец, третья — направление внешней политики Франции.

Первая проблема может быть разрешена относительно легко. Партии, входящие в народный фронт, победа которого на выборах представляется в высшей степени вероятной, довольно быстро сталкивались между собой по политическим пунктам общей платформы. Франция оказалась в завидно-выгодном положении по сравнению с другими странами. В самом деле, французские коммунисты, наученные горьким примером гитлеризма, последствия победы которого Москва легкомысленно не предвидела, стали преданными защитниками республики и вложились в защиту демократических свобод со всем свойственным им энтузиазмом. С другой стороны, мелко-буржуазные городские массы и крестьянство, идущие за радикализмом, оказались, не в пример немецким, мало-восприимчивыми к микробам фашизма; напротив, именно под влиянием своих низов, радикальные вожди были вынуждены присоединиться к могучему движению нарфронта. Таким образом, социалистический пролетариат во Франции не оказался, подобно германскому, в бессильном и трагическом одиночестве. Больше того, в самом враждебном нам стане наблюдается раскол, который чрезвычайно характерен для переживаемого политического момента. Французская буржуазия, в значительной своей части, отказывается от ставки на фашизм (надолго ли, вопрос иной). Какова причина этого сдвига?

Внезапная атака, произведенная фашистами 6 февраля 1934 года, встретила решительное сопротивление рабочего класса. И во Франции, конечно, были паникеры, которые единственный шанс спасения демократии видели во вхождении социалистов в коалиционное правительство примирения. К счастью, то были лишь одиночки. Социалистическая партия, возглавляемая Леоном Блюмом (и в этом его историческая заслуга перед республикой и социализмом, объясняющая звериную к нему лично ненависть реакции!), перешла в решительное контр-наступление. Она заключила боевой союз действия с коммунистами и вместе с ними создала нарфронт, куда вошли профсоюзы и представители левобуржуазных партий и организаций. С первого же дня наша партия стала в безусловную оппозицию к правительству Думерга, поднятого на щите фашистским бунтом. Борьба против него, ведшаяся в парламенте, поддерживалась мобилизацией широких трудовых масс, всевозможными местными антифашистскими комитетами, которые зародились совершенно стихийно и покрыли всю страну грандиозными демонстрациями, которые одновременно, во всей Франции, подымали в единодушном порыве миллионы рабочих, чиновников, служащих, ремесленников, торговцев, интеллигентов, крестьян и проч.

В руках крупного капитала вся большая пресса, верхушки армии, церкви, полиции, бюрократии; он имеет и ударные кадры в виде военизированных лиг, хорошо дисциплинированных и снабженных оружием для «спорта» (как говорит, вожак «огневых крестов» де-ля-Рок). Но против «двухсот семейств», символизирующих господство денежного мешка, оказалась вся трудовая Франция, охваченная подлинной мистикой антифашизма. В этих условиях «поход на Париж» оказывается делом далеко нелегким, он не сулит скорого успеха. В лучшем случае, он грозит превратиться в затяжную гражданскую войну, где фашистам пришлось бы играть роль иноземных завоевателей, берущих с бою крупные города и рабочие центры и встречающих сопротивление за каждым углом улицы, в каждом доме. Но значительно более вероятным является иной исход: победа народных масс в этой схватке (не забудем, что и армия, и даже полиция в своих низах настроены весьма демократично). Она означала бы однако не простое восстановление демократического статуса кво, но, при общем антикапиталистическом настроении страны, переход в наступление на социально-экономическом фронте, начало социальной революции. Перед этой опасностью, осторожная часть французской буржуазии (представителями этого течения являются Фландэн и Мандель) не рискует поставить все на фашистскую карту и предпочитает пойти на соглашение с правым крылом нарфронта. Таким образом, не уступки капитализму, не политика компромиссов, лавирования и отступлений, а именно решительная борьба против фашизма и взращивающей его буржуазии обеспечила французскому пролетариату максимально выигрышную позицию. Ее и должна окончательно закрепить победа 26 апреля — 3 мая.

Но одного политического отпора фашизму недостаточно, если демократия хочет создать под собой прочный фундамент. Ей необходимо иметь четкую социально-экономическую политику. Какие немедленные меры должны быть приняты для преодоления кризиса? Каковы объем и пределы вмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь с целью подчинения узких, эгоистических личных и классовых интересов буржуазии интересам целого?

До недавнего времени во Франции, за пределами социалистического сектора общественного мнения, безраздельно господствовала доктрина экономического либерализма. Она про-

поведывалась с университетских кафедр, со страниц академических журналов, со столбцов ежедневной печати. Но сторонники не предвидели того затяжного, губительного кризиса, который вихрем нищеты и разорения пронесся по всему миру. Накануне предыдущих выборов, когда вся Европа представляла собою уже «опустошенные области», во Франции хозяйственное положение было еще относительно благополучным. Но за четыре года кризис своими щупальцами охватывал одну за другой все отрасли французского народного хозяйства. Сменявшиеся с калейдоскопической быстротой кабинеты оказывались совершенно бессильными принять что-либо против хозяйственной разрухи. И правые и левые министерства, несмотря на разницу своих политических этикеток, были в равной мере связаны псевдо-научной верой в автоматическое изживание кризиса, в то, что хозяйственный строй еще таит в себе живые силы, которым надо лишь дать простор, чтобы вернуть стране былое процветание. В результате, финансовая политика всех этих лет шла под знаком дефляции, в угоду которой отдавалось в жертву все народное хозяйство, предавались интересы рабочих, крестьян и средних городских слоев. Радикальная партия обривала при этом полное непонимание тех новых задач, которые жизнь выдвигает в нашу эпоху перед государственной властью. За последнее время в среде радикалов намечается однако некоторый сдвиг (в этом отношении интересны высказывания Даладьё). И экономическая платформа нарфронта, равняющаяся по своему правому флангу, т. е. по радикалам, пусть еще робко и неуверенно, но все же порывает с «экономическим кретинизмом» классического манчестерства.

Партии, составляющие нарфронт, придут, по всей видимости, к власти после выборов. Они окажутся перед необходимостью принять немедленные меры против экономического феодализма, которые без боя не уступят и частички своих привилегий. Если новое правительство не захочет бесславно и поглотиться перед денежной стеной и тем самым идти к скорому распаду и развалу, ему не останется иного пути, кроме пути решительных мероприятий, порывающих с основами капиталистического порядка. В этой борьбе против финансового капитала радикалы не являлись до сих пор сколько-нибудь надежными союзниками. Но в настоящее время капиталистическая идеология потеряла свою притягательную силу для тех народных масс, на которых они опираются. Рабочий социалистический и коммунистический авангард в избирательной кампании заключается именно в том, чтобы оформит эти смутные антикапиталистические настроения мелко-буржуазных масс и направить их в разумное русло борьбы за социалистическое переустройство общества.

Проблема «европейских нестроений», ставшая актуальной благодаря итальянскому авантюре в Абиссинии, выступила в первый план с момента занятия германскими войсками демилитаризованной Прирейнской области. Французская реакция увидела в этом шаге Гитлера богом посланный ей козырь в борьбе против нарфронта, а особенно против социалистической партии. Как и в момент своей агитации против санкций по отношению к Муссолини, вся националистическая печать надела на себя пацифистскую личину и принялась обвинять социализм в подготовке войны. Безнадежно битая во всем вопросам внутренней политики, буржуазия надеется жить политический капиталец на своем мнимом миротворчестве. Но социалистическая партия пользуется избирательной кампанией, чтобы показать народным массам, что подлинно конструктивная политика мира не может быть делом профсоюзных патриотов из реакционно-фашистского лагеря своим националистическим безумием подготовивших торжество национал-социализма. Победа народного фронта, в котором социализму предстоит играть руководящую и направляющую роль, означает, что Франция будет стремиться к созданию в Европе системы коллективной безопасности, опирающейся на блок демократических государств и на Советский Союз.

Борис Скоморовский

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ О ПОЛИТИКЕ ГИТЛЕРА.

В связи с отказом Гитлера от Локарнского договора ремилитаризацией рейнской зоны, пражский ЦК Социал-демократической Партии Германии опубликовал следующее заявление:

В своей речи от 7 марта 1936 г. Гитлер заявляет притязание на диктаторство над Европой. Действует он при этом теми же самыми методами, которыми он установил свою диктатуру над поработанным германским народом.

Утверждением, будто «социалдемократически - коммунистический единый фронт поджег рейхстаг», он обосновывает полное уничтожение свободной конституции германской рес-

публики. Утверждением, будто франко-советский договор аннулировал локарнский договор, он обосновывает разрыв этого договора, явно совершаемый им самим.

Германская социалдемократия с самого начала была несомненно идей франко-германского соглашения. Она была движущей силой той политики, которая привела к заключению локарнского договора. Этот договор, принесший Германии большие облегчения и подававший всему миру надежду на длительный мир, был заключен Германией добровольно. Акт Гитлера возлагает на Германию бремя ответственности за разрыв добровольно заключенного договора.

В тот самый момент, как Гитлер разрывает договор, он предлагает миру заключить с ним новые договоры. Но он найдет предлог для разрыва и этих договоров, когда сочтет, что для того наступил подходящий момент.

Франко-советский договор является последствием внешней политики национал-социализма. Гитлер легкомысленно принес политику рапалльского и берлинского договоров дружбы между Германией и Россией в жертву своей травле Советского Союза и своим завоевательным планам против него. Тем самым он толкнул Советскую Россию в объятия Франции, как своим провокационным выходом из Лиги Наций и своим безумно форсированным вооружением толкнул Францию в объятия Советской России. Тем самым, как и разрывом локарнского договора, он поставил германский народ в положение, чреватое величайшими опасностями.

Так называемые выборы в рейхстаг не могут показать истинного мнения народа о политике Гитлера, так как действительные друзья мира и соглашения в Германии убийствами и угрозами убийств принуждены к молчанию. Эти диктаторские выборы не имеют никакого общего с выборами в цивилизованных странах, их смысл лишь в националистической демагогии, которая должна психологически подготавливать войну.

В НОРВЕГИИ.

13 января норвежскому парламенту был впервые представлен бюджет, целиком выработанный рабочим правительством. На борьбу с кризисом бюджет ассигнует 88,4 миллиона крон — на 46,1 миллионов больше, чем было в конце концов ассигновано под давлением рабочей партии.

Бюджет подвергся атаке главным образом со стороны консервативной партии, но был 15 февраля принят парламентом значительным большинством 109 голосов против 30. Голосование это показывает, что вопреки атакам консерваторов Крестьянская Партия решила поддерживать рабочее правительство.

БОРЬБА ЮГОСЛАВСКИХ РАБОЧИХ.

Вопреки всем обещаниям приступить к постепенной ликвидации диктатуры, положение в Югославии все еще таково, что рабочие могут иметь профессиональные организации, но их политическая партия по-прежнему находится под запретом. Поэтому борьба югославских рабочих направлена в первую голову на отвоевание свободы для политической организации.

9 февраля состоялось в Белграде социалистическое собрание, превратившееся во внушительную манифестацию. Тов. Живко Топалович набросал прежде всего картину политического состояния Югославии. Выборы, состоявшиеся в мае, пробудили некоторые надежды, так как на этих выборах удалось оттеснить известные элементы от власти. Но теперь именно эти элементы собираются вновь взять в свои руки кормило правления. Неужели-же возможен такой ход развития, и целый год политической эволюции окажется потраченным напрасно?

Нынешнее правительство Стоядиновича, мыслившее лишь как переходное, может получить таким образом, о чем нельзя не пожалеть, длительный характер. А это связано прежде всего с большой опасностью для всех демократических элементов. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы помешать новому попятному развитию к диктатуре.

Лишь после этого наступит время для всех других проблем. Но хорватские националисты добиваются лишь разрешения хорватского вопроса. Пассование буржуазной оппозиции перед хорватским национализмом совершенно уничтожило тот крупный моральный и политический успех, которого этой оппозиции удалось добиться на последних выборах.

Что-же должен делать рабочий класс в таких условиях? В обстановке экономического кризиса деятельность профессиональных союзов поставлена в очень узкие рамки; профессиональным союзам нужна политическая защита, расширение политической свободы. Главная задача наша состоит поэтому теперь в создании политической организации и массового движения. Мы не поддаемся иллюзии, что нам удастся овладеть политической властью; с нас до-

вольно создания движения, соответствующего силе наемного пролетариата и родственных ему слоев в городе и деревне. Программа движения должна включать в себя лишь самые очередные жизненные требования этих слоев.

Собрание единогласно присоединилось к предложению — заявить в подлежащих инстанциях об основании «Социалистического Объединения трудящегося народа».

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Предвоенные настроения. — Военная опасность и конституционные реформы. — Из «объекта» в «субъекты». — Жизнь и настроения рабочих и служащих. — Кулинарные «достижения». — Культ Сталина. — Романтика молодежи...

Постараюсь передать вам на сей раз общие впечатления о нашей жизни и наших настроениях, почерпнутые из ряда встреч и разговоров с самым разнообразным народом. Ибо — и это тоже стоит отметить — у нас теперь «разговаривают» куда больше, чем раньше.

Характерно прежде всего, что жизнь наша все заметнее начинает протекать «под знаком войны». Не только военные круги и круги, так или иначе причастные к обороне, производству оружия и т. п., но и люди, во всех отношениях штабские, все чаще говорят уже не — «если будет война», а — «когда будет война», и это, уверяю вас, в психологическом отношении различие, весьма существенное и значительное. Войны ждут, потому что все более прочно складывается убеждение, что она неизбежна, а вовсе не потому, что с ней связывают какие-нибудь надежды. Так обстоит дело, по крайней мере, в городах, среди рабочих и служащих. О пораженческих настроениях здесь слышать совершенно не приходится и вряд-ли только потому, что такие настроения, если бы они и имелись, приходилось бы, естественно, тщательно скрывать. Как обстоит дело в этом отношении в деревне, сказать не берусь: не знаю. Крестьянское море, быть может, и таит какие-нибудь сюрпризы, но, повторяю, об этом можно лишь гадать.

Предвоенными настроениями охватываются не только широкие слои подначальных людей; им не чуждо как будто и начальство. В этом смысле любопытно, что именно с предвоенной обстановкой связывают всюду и ожидаемые конституционные реформы, более того, что именно среди военных элементов особенно часто встречаются пламенные сторонники таких реформ. Говорят, что именно в военной среде и именно в предчувствии военных потрясений родилась формула, что рабочие и крестьяне, бывшие так долго «объектами» революции, должны стать наконец ее «субъектами», иначе они не защитят ее в ожидаемой схватке с фашизмом. Эта формула, пущенная, вероятно, в оборот каким-либо юрким секретарем, о превращении «объекта в субъекты», имеет теперь очень широкое хождение. Часто вспоминают и о том, что в свое время дал Германии победу «школьный учитель». Кстати, вот маленький курьез: при мне один весьма храбрый, но по части учености хромающий военачальник из героев гражданской войны говорил, недоумевающе разводя руками: «и что только будем мы делать в армии со всеми этими субъективными учителями!..»

Но, как бы то ни было, мысль, что нашу «прекрасную страну» сможет защитить только свободный гражданин, постепенно завоевывает себе почву, и потому, повторяю, именно люди, которым защита отечества поручена по преимуществу, военные люди часто особенно усиленно настаивают на том, чтобы конституционные реформы были проведены как можно скорее и как можно шире. Но, конечно, другие люди, которым поручено поддержание порядка, люди из ГПУ, к спастельности реформ относятся весьма скептически и настаивают больше на том, что именно в виду военной опасности надо вооружиться не реформами, а хорошими ежовыми рукавицами. Конечно, все будет решено так, как захочет Сталин, но он пока определенно не высказывается и потому остается еще неизвестным, в какой мере совершится чудо преобразования «объектов в субъекты»...

Но, каковы бы ни оказались чаемые и ожидаемые реформы, было бы близорукостью недооценивать их смысл и значение. Надо думать, что и с реформами будет еще бесконечно далеко до элементарных свобод, но они во всяком случае существенно изменили бы течение нашей жизни. Долгие годы несвободы вытравили в сознании рабочих масс представление о политической свободе и, пожалуй, даже потребность в ней. Но ежедневный опыт, работа на заводе, неспособность и даже прямые злоупотребления бюрократии и всяческого руководства все чаще вызывают у любого середняка потребность протестовать, высказываться, обсуждать и критиковать наши порядки. Рабочие, целиком и пол-

ностью стоящие за советскую власть, верящие во всеблагость и непогрешимость Сталина и Центрального Комитета, и те на каждом шагу наталкиваются на явления, требующие, по их мнению, изменения, критики, и ждут для этого реформ, тайного избирательного права и пр., и не догадываясь, что подходят таким путем вплотную к требованию политической свободы.

Вообще-же предвоенные настроения скорее помогают рабочей и служилой массе переносить свое положение, хотя положение это, несомненно, ухудшилось за последнее время. Правда, цены снижены и даже порядочно, продуктов на рынке стало несравненно больше, нет больше очередей, но ничтожное повышение заработной платы далеко не покрывает собою тех выгод, которые давала рабочим карточная система, почти даровое получение хлеба, «пайки» и «выдачки» в распределителях и т. п. Товаров стало много больше, но пользоваться во-всю этим изобилием могут лишь немногие, так как у среднего рабочего и служащего, не говоря уже о самых низких категориях, денег на покупку всего, что нужно и что «можно» купить, не хватает. Сводят концы с концами только те семьи, в которых работают и муж, и жена, и взрослые или даже подростковые дети. И вот причина, почему молодежь остается невосприимчивой к холодной теперь пропаганде против аборт, за крепкие и многодетные семьи и т. п. Необходимость работать и мужу, и жене сильно понижает (в городах, по крайней мере) охоту и даже возможность иметь детей.

Но самая идея крепкого, упорядоченного быта, «зажиточной и красивой» жизни очень охотно воспринимается и рабочими, и служащими всяких рангов, и кто имеет материальную возможность осуществить этот идеал, тот цепляется за него руками и зубами. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что люди, достаточно наголодавшиеся и наголодавшиеся в течение почти двух десятков лет, с жаром бросаются на всякие, ставшие теперь доступными и дозволенными «роскошества» по части еды, одежды, обстановки и пр. Но поистине достойно удивления, что даже высоко интеллигентные люди, предаваясь этим «роскошностям», не только испытывают заслуженное, повторяю, удовольствие и удовлетворение, но зачастую видят в этом и какое-то грандиозное «достижение», наполняющее их гордостью за «нашу страну» и говорящее в пользу не только советского режима, но и, особенно, сталинской гениальности. Каждый съеденный пирожок или ватрушка превращается в их ощущении из простого продукта кулинарного искусства домработницы, в какое-то неопровержимое свидетельство мудрости Сталина. Именно в кругах высших служащих, в обиходе которых эти пироги-достижения появляются особенно часто, Сталин все больше становится предметом обожания и подлинного культа, славословия по его адресу переходят всякие границы. Трудно представить себе, чем все это может кончиться. Если раньше Сталина называли «хозяином», то теперь иначе, как «сам» о нем и не говорят.

Несколько иные и подчас весьма любопытные настроения приходят иногда с удивлением констатировать в кругах молодежи, даже комсомольской. Молодежи, конечно, всегда свойственно увлекаться всем, что не связано с властью, с аппаратом, с казенщиной и что может быть окрашено в какие-то романтические цвета. В нынешней ВКП, бюрократизированной и обездушенной, материала для романтики найдешь не много. И вот является какая-то смутная тяга к неправительственным, оппозиционным партиям и группам, к людям, преследуемым, скрывающимся в таинственном подполье, но продолжающим самоотверженно и героически бороться за народное благо. Так, вопреки всей травле казенной печати и казенных ораторов, а, может быть и благодаря этой травле, начинает нередко и «меньшевизм», о котором молодежь по существу весьма мало знает, облекаться в ее представлении известным романтическим ореолом и вызывать неопределенные, чисто эмоционального происхождения симпатии. Как раз недавно один комсомолец, только что прочитавший известный роман Войнич «Овод», спросил меня: «а что, Овод-то, поди, тоже меньшевик был?..» Разумеется, политического значения эти романтические симпатии к меньшевизму пока не имеют. Но они, несомненно, пробивают брешь в той стене психологической отчужденности и враждебности меньшевизму, которую годами воздвигали большевики в рабочей среде, а это при известных обстоятельствах сможет значительно облегчить и политическую работу нашей партии..

22 марта 36.

X.

ИЗ ПАРТИИ

ПАМЯТИ Ю. О. МАРТОВА И П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

4 апреля, в 13-ую годовщину смерти Ю. О. Мартова, рижская группа содействия РСДП устроила собрание, посвященное чествованию памяти Мартова и П. Б. Аксельрода. 8-ая годовщина смерти которого исполняется на-днях (4 апреля). Речи были произнесены гг. Даном, Абрамовичем Гарви.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

La Gauche révolutionnaire, 25-2-1936. N° 6.
American Socialist Monthly, marche 1936. N° 1.
La Révolution prolétarienne, N° 218.
La Bataille socialiste, N° 94.
Rundschau über Politik Wirtschaft und Arbeiterbewegung, N° 13.
Der Kampf, avril 1936, N° 4.
Die Neue Front. Organ für proletarisch-revolutionäre Sammlungen. N° 7.
 Новая Россия. Двухнед. журнал под редакцией А. Ф. Керского. № 1, 2.
 Пробуждение, № 66-67.
 Социаль-Демократ, XVII. Орган закордонних організацій ДРП.
 Знамя России. № 3 (79), март 1936.
 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 49. Апрель 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 25/2, 2§4.
 Отослано: № № 6, 7, 8.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов. В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

В конторе „Социалистического Вестника“ принимаются подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем.-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герман. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем.-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONNAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.